„Пров
3
8.406

НАШЪ

ОСТЗЕЙСКІЙ ВОПРОСЪ.

LEIPZIG:
F. A. BROCKHAUS.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ:
ПРИДВОРНЫЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
Г. ШМИЦДОРФА
(К. К. РЕТТЕРЪ)
НА НЕВСКОМЪ ПРОСПЕКТѢ ВЪ ДОМѢ БОССЕ, № 5.

2 экз.
М

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

256
30

Россія представляетъ замѣчательно благопріятное сочетаніе преобладающей народности съ подавляющимъ численнымъ перевѣсомъ, окруженной самыми разнообразными племенами обитающими окраины государства.

Численный перевѣсъ русской народности такъ великъ, что во всѣхъ вопросахъ общей государственной и международной политики, Правительство можетъ дѣйствовать съ тѣмъ единствомъ цѣли и съ тою нравственною силою, которыя присущи лишь одноплеменнымъ государствамъ.

Во внутренней же жизни примѣсь разныхъ племенъ, составляетъ ту охрану противъ узкой замкнутости и односторонности и тотъ стимулъ прогресса, безъ которыхъ ни одинъ народъ не достигалъ истиннаго величія и культурнаго значенія. Вслѣдствіе этого, взаимныя отношенія между преобладающею народностью и окраинами, имѣютъ высокое государственное значеніе и болѣе или менѣе враждебный или дружелюбный характеръ этихъ отношеній, долженъ отразиться на дальнѣйшемъ развитіи, какъ всего государства, такъ и отдѣльныхъ его частей. Эти соображенія побуждаютъ меня, предложить русскимъ читателямъ очеркъ Остзейскаго вопроса, какимъ онъ представляется съ точки зрѣнія частнаго человѣка, судьба котораго сблизила какъ съ

чисто-русскимъ обществомъ, такъ и съ населеніемъ трехъ губерній, составляющихъ такъ называемый Остзейскій край.

Для лицъ коротко знакомыхъ съ краемъ, этотъ очеркъ не представитъ новыхъ данныхъ, но число такихъ лицъ внѣ края такъ ничтожно и ложныя представленія до такой степени распространены, что я надѣюсь принести посильную пользу обѣимъ сторонамъ этимъ изложеніемъ вопроса, при чемъ мною руководило одно желаніе: быть объективнымъ служителемъ правды.

I.

АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ.

Громадное большинство нашего общества, не имѣетъ возможности самостоятельно судить о положеніи дѣлъ въ краѣ, существенно отличающемся отъ остальной Россіи и потому на вѣру принимаетъ сообщенія, появляющіяся въ нашей печати, написанныя почти исключительно въ одномъ направленіи; опроверженій-же появляющихся въ мѣстныхъ органахъ печати не читаетъ. Вслѣдствіе этого мнѣніе о нравственномъ и экономическомъ угнетеніи Латышей и Эстовъ со стороны бароновъ-плантаторовъ, приняло силу аксіомы, о которой не спорятъ; разногласіе существуетъ только относительно мѣръ, которыя необходимо принять для скорѣйшаго уничтоженія аномаліи, противорѣчащей интересамъ государства и большинства мѣстнаго населенія.

Для человѣка, знающаго изъ личныхъ наблюденій и сравненій съ остальными частями нашего отечества, насколько такой взглядъ ошибоченъ, борьба съ этимъ предубѣжденіемъ представляется необходимымъ, но почти безнадежнымъ трудомъ. Дѣйствительно, опроверженія единичныхъ фактовъ ничего недоказываютъ; обстоятельное же изложеніе фактическихъ условій требуетъ по необходимости сообщеніе такихъ статистическихъ и юридическихъ подробностей, которыя читаются лишь немногими, тѣмъ болѣе, когда доказывается то, чему вѣрить не хочется.

Если я тѣмъ не менѣе рѣшаюсь сказать нѣсколько словъ по этому вопросу, то цѣль моя скромнѣе. Я не надѣюсь опровергнуть моею статьею, преобладающій взглядъ на положеніе

дѣлъ въ Остзейскомъ краѣ, а лишь желаю поколебать въ нѣкоторыхъ читателяхъ *увѣренность* въ справедливости этого взгляда и вызвать желаніе выслушать обвиняемую сторону передъ тѣмъ, чтобы произносить приговоръ. При этомъ я конечно не расчитываю на успѣхъ относительно лицъ, которыя находятся въ пріятномъ заблужденіи, что они обладають рецептомъ, по которому можно излечить всякіе общественные недуги, не обращая вниманія ни на настоящее, ни на прошлое, которымъ оно объусловливается.

Къ счастію число такихъ лицъ начинаетъ уменьшаться и у насъ: великія реформы прошлаго царствованія и ежедневная работа органовъ самоуправленія, сблизили нашу интеллигенцію въ достаточной степени съ дѣйствительностью, чтобы развить сознаніе въ трудностяхъ, съ которыми сопряжено разумное рѣшеніе общественныхъ вопросовъ — не на канцелярской бумагѣ, которая все терпитъ, а на дѣлѣ.

Здравомыслящій человѣкъ, не одержимый доктринаризмомъ, желающій объективно оцѣнить организацію какого либо общества, не станетъ требовать отъ него воплощенія готоваго идеала, а будетъ искать фактическаго отвѣта на слѣдующій вопросъ: проявляется ли въ этомъ обществѣ матеріальный и нравственный прогрессъ всѣхъ его членовъ и въ какой зависимости этотъ прогрессъ находится отъ тѣхъ или другихъ особенностей организаціи? Представляетъ ли эта организація задатки дальнѣйшаго развитія?

Прилагая этотъ методъ къ оцѣнкѣ общественной организаціи Остзейскаго края, необходимо условиться относительно масштаба, съ которымъ будемъ сравнивать его состояніе. Понятно, что предметомъ сравненія можетъ служить лишь сосѣдняя часть Россіи, находящаяся въ одинаковыхъ климатическихъ, почвенныхъ и государственныхъ условіяхъ, тогда какъ различіе состоитъ именно въ тѣхъ «особенностяхъ» Прибалтійскихъ губерній, которыя и составляютъ предметъ нападокъ.

Что же оказывается при сравненіи?

Съ одной стороны мы видимъ упадокъ земледѣлія и скотоводства и вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжное истощеніе почвы, возрастаніе недоимокъ, уничтоженіе лѣсовъ, невозможность пропитаться и платить налоги и выкупы, безъ посторонней помощи и посторонняго промысла, мѣстнаго или отхожаго, который отвлекаетъ населеніе отъ почвы и семьи и сопряженъ съ громадною потерею силъ и времени.

Съ другой стороны мы видимъ постоянное и повсемѣстное улучшеніе земледѣльческихъ пріемовъ, постоянное увеличеніе численности и улучшеніе качества скота, отсутствіе недоимокъ, вообще постепенное накопленіе народнаго богатства во *всѣхъ классахъ* занимающихся земледѣліемъ. Относительно этого факта разногласія нѣтъ[1]). Столбцы русской и части мѣстной печати враждебной существующему порядку, наполняются жалобами на несправедливость, отсталость и тягость поземельныхъ отношеній; но еще не нашелся ни одинъ писатель, жившій въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, который рѣшился бы отвергать очевидный для каждаго фактъ, что тѣмъ не менѣе матеріальное благосостояніе *всего* земледѣльческаго класса, сдѣлало разительные успѣхи въ послѣднее двадцатилѣтіе. Крестьяне-собственники, крестьяне-арендаторы, земледѣльческіе работники, всѣ они обставлены несравненно лучше, чѣмъ были обставлены 20 лѣтъ тому назадъ и ихъ положеніе *улучшается* съ каждымъ годомъ. Этотъ фактъ получилъ недавно краснорѣчивое подтвержденіе со стороны депутаціи, состоявшей изъ главныхъ руководителей младоэстонскаго движенія, которая высказала передъ монархомъ чувства глубокой признательности

---

[1]) Читатели, желающіе ближе познакомиться съ этимъ вопросомъ, найдутъ обильный матеріалъ въ изданіяхъ губернскихъ статистическихъ комитетовъ, на прим. въ недавно вышедшемъ «Beitrag zur livländischen Agrarstatistik, zusammengestellt von Jung-Stilling, Riga 1881.» Также въ Докладахъ Высочайше утвержденной Коммисіи для изслѣдованія положенія земледѣльческаго класса въ Россіи. Смотри также прибавленія.

за тѣ аграрныя реформы прошлаго царствованія, которымъ, по словамъ депутаціи, земледѣльческіе классы Прибалтійскаго края въ значительной степени обязаны своимъ преуспѣяніемъ.

Конечно я далекъ отъ мысли, что поземельныя отношенія въ этомъ краѣ не оставляютъ желать ничего лучшаго, что успѣхъ не можетъ быть ускоренъ, что нѣтъ аномалій и несообразностей, которыя могли бы быть съ пользою уничтожены. Я только напоминаю читателямъ несомнѣнный фактъ, что при существующихъ аграрныхъ отношеніяхъ благосостояніе всего земледѣльческаго населенія *возрастаетъ*, тогда какъ въ другихъ частяхъ имперіи сходныхъ по почвеннымъ условіямъ, обремененныхъ такими же государственными повинностями, земледѣліе приходитъ въ упадокъ и населеніе бѣднѣетъ

Чѣмъ же объяснить это явленіе? Не племенными же преимуществами Эстовъ и Латышей передъ ихъ сосѣдами Петербургской, Псковской, Витебской губерніи? Не ясно ли для каждаго придающаго фактамъ болѣе значенія чѣмъ отвлеченнымъ теоріямъ, что рѣшеніе аграрнаго вопроса въ Прибалтійскомъ краѣ, какъ бы оно несовершенно ни было, во всякомъ случаѣ болѣе *цѣлесообразно* чѣмъ рѣшеніе этого вопроса въ чисторусскихъ губерніяхъ, такъ какъ конечною цѣлью устройства поземельныхъ отношеній должно быть достиженіе возможно большаго благосостоянія всѣхъ земледѣльческихъ классовъ; виды же распредѣленія поземельной собственности можно признать лишь средствомъ, а никакъ не цѣлью.

Чтобъ выяснить причины столь различныхъ результатовъ, необходимо напомнить въ общихъ чертахъ существенное различіе въ историческомъ ходѣ аграрной реформы въ Прибалтійскихъ губерніяхъ и въ остальной Россіи.

Извѣстно, что освобожденіе крестьянъ въ Остзейскомъ краѣ отъ личной крѣпостной зависимости, (въ началѣ нынѣшняго столѣтія), не коснулось поземельной собственности. Помѣщики остались владѣльцами всей земли, часть которой обрабатывали сами (мызная земля, Hofesland), другую же часть

(крестьянская земля, Bauerland) отдавали въ пользованіе крестьянамъ, за извѣстную плату либо трудомъ (барщина, Frohne) либо деньгами (аренда, Geldpacht).

Существенное различіе съ условіями въ остальныхъ губерніяхъ до 19-го февраля 1861 г. состояло въ томъ, что общиннаго пользованія не существовало, а земля отдавалась искони сравнительно большими участками (отъ 20 до 50 десятинъ), отдѣльнымъ личностямъ, крестьянамъ - хозяевамъ (Bauerwirthe), по добровольному соглашенію, причемъ предѣлъ барщины зависѣлъ не отъ произвола помѣщика, а нормировался особыми положеніями (Wackenbücher), введенными еще во времена Шведскаго владычества.

Для бо̀льшаго обезпеченія экономической независимости крестьянъ, въ 1849 году въ Лифляндіи, а въ началѣ минувшаго царствованія и въ Эстляндіи были изданы ландтагами постановленія, въ силу которыхъ помѣщики лишались права пользоваться крестьянскою землею иначе, какъ отдавая ее въ долгосрочныя денежныя аренды[1]) крестьянамъ, которые кромѣ того въ послѣдствіи получили право пріобрѣтать землю въ наслѣдственную собственность[2]).

Эти три мѣры составляютъ краеугольный камень аграрной реформы Прибалтійскаго края и имъ онъ обязанъ въ значи-

---

[1]) Въ Лифляндіи и Эстляндіи не менѣе 6 лѣтъ, въ Курляндіи не менѣе 12 лѣтъ. Въ Эстляндіи пока еще допускается плата работою (Hilfsgehorch), но въ размѣрѣ не превышающемъ 25% всей арендной суммы, при чемъ крестьянинъ имѣетъ право *ежегодно* требовать замѣну натуральной повинности денежною, по цѣнѣ условленной въ контрактѣ.

[2]) Въ этомъ очеркѣ я ограничиваюсь разборомъ общественнаго строя въ Эстляндіи и въ Лифляндіи, имѣющихъ много сходнаго. Въ Курляндіи же, какъ аграрныя, такъ и политическія отношенія сложились нѣсколько иначе, вслѣдствіе иной исторической судьбы ея, и я не включилъ ее въ мой разборъ, какъ ради большей простоты изложенія, такъ и потому что лично менѣе знакомъ съ этою губерніей. Замѣчу только, что благодаря лучшему климату и почвѣ, населеніе тамъ вообще зажиточнѣе и обставлено лучше, чѣмъ въ двухъ сѣверныхъ губерніяхъ.

тельной степени своимъ теперешнимъ благосостояніемъ. Первая мѣра, *отдѣленіе крестьянской земли отъ мызной*, избавила край отъ аграрныхъ порядковъ Ирландіи, предотвративъ во́ время возможность поглощенія мелкихъ участковъ, крупными хозяйствами.

Уничтоженіе барщины, заставшее помѣщиковъ подготовленными, введенное исподоволь, освободило земледѣльческій трудъ, заставило помѣщиковъ и крестьянъ позаботиться о введеніи такихъ улучшеній, которыя вознаградили бы вздорожавшій трудъ.

Наконецъ, *возможность пріобрѣтать поземельную собственность*, явилась новымъ стимуломъ для лучшихъ элементовъ крестьянства, къ разумному труду и сбереженіямъ.

Въ настоящее время въ Лифляндіи уже 60% крестьянской земли перешло въ полную собственность крестьянъ, въ Эстляндіи около 14%.

И такъ, главное различіе между аграрными условіями въ чисто-русскихъ губерніяхъ и въ Прибалтійскомъ краѣ, состоитъ въ томъ, что въ первыхъ крестьянская земля перешла въ неотъемлемое пользованіе крестьянъ въ видѣ малыхъ участковъ душеваго надѣла, не представляющихъ ни малѣйшей гарантіи земледѣльческой самостоятельности; при этомъ, въ силу фактическихъ условій, личные интересы помѣщиковъ въ большинствѣ случаевъ идутъ въ разрѣзъ съ экономическою независимостью крестьянъ: дѣйствительно, чѣмъ у послѣднихъ меньше луговъ и выгоновъ, тѣмъ большій доходъ помѣщикъ можетъ получить отъ земель, которыя крестьянамъ необходимы; чѣмъ они болѣе нуждаются въ деньгахъ для уплаты налоговъ, тѣмъ дешевле онъ можетъ получить рабочую силу за ссуду, данную во́ время[1]).

[1]) Я этимъ не хочу сказать что помѣщики злоупотребляютъ этими условіями. Я лишь указываю на то обстоятельство, что при нынѣшнихъ аграрныхъ отношеніяхъ *экономическій* интересъ помѣщика не заставляетъ его заботиться объ экономической самостоятельности крестьянина.

Въ Прибалтійскихъ-же губерніяхъ напротивъ, личный интересъ помѣщика заставляетъ его заботиться о бо́льшей доходности, отдаваемаго имъ въ аренду участка и о зажиточности съёмщика такъ какъ отъ дохода зависитъ арендная плата а отъ зажиточности зависитъ надежность плательщика; потому онъ отдаетъ лишь участки съ правильнымъ соотношеніемъ полей, луговъ и выгоновъ, побуждаетъ крестьянина вводить многопольное хозяйство, ставитъ въ условіе содержаніе достаточнаго количества скота, содѣйствуетъ улучшенію земледѣльческихъ орудій, породы скота и лошадей, запрещаетъ контрактомъ продажу сѣна и соломы — ведущей къ неминуемому истощенію почвы, и т. д. Все это онъ дѣлаетъ изъ чисто эгоистическихъ мотивовъ, но нельзя не согласиться, что въ вопросахъ *экономическихъ* разумный эгоизмъ, сила болѣе надежная, чѣмъ самый благородный филантропизмъ.

Остальная земля, такъ называемая мызная, соотвѣтствующая помѣщичьей землѣ, представляетъ, подобно крестьянскимъ участкамъ, цѣльныя экономическія единицы съ должнымъ соотношеніемъ частей, обработываемымъ самими помѣщиками, при помощи постоянныхъ годовыхъ работниковъ, которые получаютъ помѣщеніе и плату одними деньгами, или деньгами и припасами, или же деньгами и землей. Наконецъ часть мызной земли отдается въ аренды участками обыкновенныхъ размѣровъ, т. е. отъ 20 до 60 десятинъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ также малыми участками, такъ называемымъ бобылямъ (Loostreiber) за извѣстную плату работою[1]). Эти участки обыкновенно немногимъ превышаютъ душевой надѣлъ русскихъ крестьянъ (отъ 3 до 5 дес.) и потому недостаточно велики, чтобы поглотить всю рабочую силу крестьянской семьи. Съёмщики такихъ участковъ рекрутируются изъ состарѣвшихся хозяевъ, сдавшихъ свой дворъ сыну, изъ отставныхъ солдатъ

---

[1]) Въ Лифляндіи этотъ классъ почти совсѣмъ вывелся, въ Эстляндіи-же еще существуетъ.

и изъ земледѣльческихъ работниковъ желающихъ вести болѣе покойную жизнь. Бобыль содержитъ обыкновенно 2 коровы, 1 или 2 лошади, нѣсколько овецъ и свиней; хотя онъ стоитъ на низшей ступени экономической шкалы, но всетаки обезпеченъ въ бо́льшей мѣрѣ, чѣмъ большинство крестьянъ-собственниковъ черноземной Россіи, такъ какъ онъ не обремененъ выкупными и земскими платежами, а инвентарь и скотъ его гарантированъ отъ насильственной продажи, интересомъ помѣщика.

Для любителя демократическаго единообразія такая сложная экономическая картина не привлекательна: помѣщичьи хозяйства съ новѣйшими земледѣльческими усовершенствованіями, дающія постоянный и хорошій заработокъ многочисленнымъ годовымъ работникамъ и мастеровымъ, и зимнее занятіе сосѣднему населенію, вывозомъ продуктовъ[1]); крестьяне-собственники дворовъ въ 20—50 десятинъ; крестьяне-арендаторы, имѣющіе хорошій скотъ и земледѣльческія орудія; работники получающіе отъ 200 до 150 рублей въ годъ, наконецъ бобыли, обработывающіе клочекъ земли немногимъ больше душеваго надѣла; всѣ эти классы питаются *земледѣліемъ*, и

---

[1]) Помѣщичьи хозяйства представляютъ вообще цѣлую сѣть многочисленныхъ *центровъ потребленія и сбыта* для всего населенія. Интенсивное хозяйство возможное при постороннемъ капиталѣ, винокурни, скотоводство, сыроварни и т. п., поглощаютъ и перерабатываютъ сырьё, добываемое какъ помѣщиками, такъ и крестьянами, которые, благодаря этому имѣютъ возможность продать свои продукты безъ посредства кулаковъ, въ ближайшемъ разстояніи и за лучшую цѣну. Время и извозную силу, которую имъ пришлось-бы употребить зимою непроизводительно на вывозъ своихъ продуктовъ, они могутъ уступить за деньги для этой цѣли помѣщику, который кромѣ того нуждается въ нихъ для подвоза строительнаго матеріала, дровъ для отопленія машинъ и т. д. Уничтожите хозяйства этихъ эксплуататоровъ, и вы сразу подорвете благосостояніе крестянъ.

вносятъ ежегодно сотнями тысячъ свои сбереженія въ позе-мельныя кредитныя учрежденія.[1])

Для лицъ вышеупомянутаго направленія запустѣвшія угодья русскихъ помѣщиковъ, черезполосныя крестьянскія поля, обра-ботываемыя женщинами, по праотцовскимъ пріемамъ, пред-ставляются зрѣлищемъ болѣе соотвѣтствующимъ ихъ идеалу равенства и болѣе вѣрнымъ средствомъ противъ бича-будущ-ности — пролетаріата. Тутъ всякій поселянинъ обезпеченъ землею, но не хлѣбомъ; въ Остзейскомъ краѣ обратно. О вкусахъ не спорятъ. Но какимъ образомъ осуществить этотъ идеалъ въ Остзейскомъ краѣ? Чтобы надѣлить каждаго по-селянина землею, тамъ пришлось-бы отнять ее у крестьянъ-собственниковъ, раздробить всѣ крестьянскіе дворы на мелкіе участки, словомъ произвести экономическую революцію чудо-вищную по своимъ размѣрамъ и по послѣдствіямъ! Во вся-комъ случаѣ неудивительно, что помѣщики Остзейскихъ про-винцій всѣми силами противятся поползновеніямъ, исправлять нормально развивающійся экономическій строй, по принципамъ, которые оказались несостоятельными даже на той почвѣ, на которой выросли.

Но почему же, скажутъ мнѣ, Эсты и Латыши преуспѣ-вающіе при этомъ строѣ, недовольны своимъ положеніемъ, враждебны къ помѣщикамъ и взываютъ о помощи къ русскому обществу, даже къ верховной власти?

На это я отвѣчу во первыхъ, что недовольство далеко не такъ распространенно какъ кажется, потому что недовольные шумятъ, а довольные молчатъ; во вторыхъ, что главныя при-чины недовольства и недружелюбнаго отношенія къ нѣмецкой

---

[1]) Предсѣдатель эстл. кредитной кассы въ отчетѣ за 1870-й годъ го-воритъ м. проч.: «Съ 1го по 14ое Марта с. г. (срокъ вноса и уплаты процентовъ) въ кредитной кассѣ куплено *крестьянами* поземельныхъ облигацій на 133,650 р. с.»

интеллигенціи, *не экономическія*, а историческія и политическія.

Это подтверждается м. проч. тѣмъ обстоятельствомъ, что главные центры агитаціи совпадаютъ съ самыми богатыми частями Лифляндіи и Эстляндіи и броженіе совсѣмъ не замѣчается въ самыхъ бѣдныхъ частяхъ Эстляндіи, что вполнѣ понятно при движеніи политическомъ и непонятно при движеніи экономическомъ. Въ справедливости сказаннаго легко убѣдиться также, разсмотрѣвъ требованія формулированныя въ извѣстномъ адресѣ поданномъ главными вожаками недовольныхъ, отъ имени «Эстонскаго народа». Въ чемъ состоятъ собственно аграрныя требованія этого адреса? 1) Въ обязательной продажѣ не проданной еще крестьянской земли, по правительственной оцѣнкѣ; 2) Въ обязательной отмѣнѣ такъ называемаго Hilfsgehorch, т. е. платы части аренды по добровольному соглашенію, работою.

Разсмотримъ эти требованія не съ точки зрѣнія положительнаго права, такъ какъ дѣло идетъ объ его измѣненіи, — а съ точки зрѣнія справедливости и пользы. Извѣстно, что къ началу 1881 г. въ Лифляндіи 59,53% крестьянской земли было уже продано крестьянамъ по взаимному соглашенію съ помѣщиками. Спрашивается, съ какой стати остающіеся 40% должны быть проданы обязательнымъ выкупомъ? Развѣ экономическое положеніе крестьянъ-собственниковъ обнаруживаетъ какіе-либо признаки, по которымъ можно заключить о цѣнахъ несоотвѣтствующихъ доходности? Напротивъ, въ случаяхъ перепродажи цѣна оказывалась всегда выше первоначальной. Поэтому, если оцѣнка при обязательномъ выкупѣ будетъ ниже дѣйствительности, то случайные арендаторы 12000 участковъ, остающихся въ Лифляндіи не проданными, поживятся чужою собственностью, ради того только, чтобы ускорить на нѣсколько лѣтъ операцію, идущую нормальнымъ путемъ успѣшно для обѣихъ сторонъ, безъ нарушенія права собственности и справедливости. Я знаю, что такая перспектива не удержала-

бы многихъ изъ нашихъ реформаторовъ, которые вообще отличаются нетерпѣливостью и страстью повеликодушничать на чужой счетъ. Но даже они можетъ быть одумались-бы, увидя, что такая мѣра шла-бы въ разрѣзъ не только съ правомъ и съ справедливостью, но во многихъ случаяхъ и съ экономическимъ интересомъ крестьянъ.

Дѣйствительно, въ числѣ причинъ временно удерживающихъ нѣкоторыхъ помѣщиковъ, особенно въ Эстляндіи, отъ продажи земли крестьянамъ, не малую роль играетъ то обстоятельство, что не во всѣхъ помѣстьяхъ окончена еще экономическая операція, которая должна предшествовать продажѣ участковъ, чтобы сдѣлать продажу вполнѣ выгодною для *обѣихъ* сторонъ, а именно *уничтоженіе черезполосности*, соединеніе угодій того-же крестьянскаго двора въ одно округленное цѣлое (Streulegen). Всякій знакомый съ агрономіей, хотя бы по наслышкѣ знаетъ, какое громадное препятствіе для развитія земледѣлія составляетъ черезполосность; уничтоженіе ее послѣ перехода земли во владѣніе многихъ мелкихъ собственниковъ, представляется дѣломъ фактически почти невозможнымъ, тогда какъ крупный собственникъ можетъ съ извѣстною затратою труда и капитала, произвести эту операцію на своей землѣ.

Остзейскіе помѣщики, знакомые съ аграрными вопросами не по годовымъ отчетамъ управляющихъ, а изъ личнаго и наслѣдственнаго опыта, сознали громадную важность этого предпріятія и съ того времени когда возникъ вопросъ о переходѣ крестьянской земли изъ пользованія во владѣніе крестьянъ, принялись за это дѣло, опять таки изъ мотивовъ разумнаго эгоизма, такъ какъ та же площадь угодій послѣ уничтоженія черезполосности, представляетъ гораздо большую цѣнность. Понятно, что начало было сдѣлано самыми энергичными и самыми богатыми изъ помѣщиковъ, такъ какъ первоначальные расходы весьма велики, хотя и вознаграждаются впослѣдствіи: Размежеваніе угодій, перенесеніе построекъ, временная убыль аренды, масса затрудненій въ деталяхъ — все это жертвы,

на которыя не каждый могъ сразу рѣшиться, а потому эта операція дѣлалась исподоволь и каждый годъ число помѣстій съ черезполосными крестьянскими угодьями уменьшается; въ той-же мѣрѣ увеличивается число проданныхъ участковъ. Тѣмъ не менѣе многіе помѣщики, у которыхъ эта капитальная работа окончена, не приступаютъ немедленно къ продажѣ; весьма многіе не дѣлаютъ этого, не смотря на то, что являются покупщики, предлагающіе требуемую плату, *единственно* потому, что желаютъ продать не первому встрѣчному, а тѣмъ же хозяевамъ, которые зачастую арендуютъ тотъ же участокъ преемственно изъ рода въ родъ — не въ силу закона, а въ силу обычая. Между тѣмъ не вездѣ еще накопленіе богатства достаточно, чтобы дозволить арендатору купить свой участокъ. Это особенно часто замѣчается въ Эстляндіи, которая вообще отстала въ экономическомъ и культурномъ отношеніи отъ Лифляндіи лѣтъ на 15—20. Наконецъ многіе крестьяне арендаторы не рѣшаются покупать землю по добровольному соглашенію, расчитывая на болѣе выгодную цѣну при ожидаемомъ обязательномъ выкупѣ, о которомъ имъ твердятъ агитаторы въ ихъ газетахъ и обществахъ, тѣмъ болѣе, что эта надежда поддерживается въ нѣкоторыхъ низшихъ административныхъ сферахъ — а кому не желательно купить вещь по дешевле?

Что касается до требованія уничтоженія послѣдняго остатка барщины, Hilfsgehorch, то въ Лифляндіи онъ уже не существуетъ, а въ Эстляндіи составляетъ какъ уже сказано, только 25% аренды и крестьянинъ имѣетъ право отказаться отъ нея, а отмѣна его только вопросъ времени. Если принять во вниманіе, что отмѣна барщины, сопряженная съ громадною, хотя и производительною затратою капитала со стороны помѣщиковъ (увеличеніе и улучшеніе инвентаря, машины, помѣщеніе для работниковъ и т. д.), введено лишь въ 60-хъ годахъ[1]),

[1]) Первый контрактъ денежной аренды въ Эстляндіи заключенъ въ 1822-мъ году, но мы говоримъ про общую обязательную реформу.

то весьма понятно что для многихъ помѣщиковъ, особенно небогатыхъ, полная зависимость отъ наемнаго труда, пока еще невозможна. Бо́льшая интенсивность и ме́ньшая экстенсивность хозяйства, выдѣленіе новыхъ арендныхъ участковъ изъ мызной земли, усиленіе скотоводства и т. под. мѣры, принимаемыя уже помѣщиками, должны предшествовать полному переходу на денежное хозяйство. Во всякомъ случаѣ это вопросъ частный, и если онъ будетъ рѣшенъ въ Эстляндіи тотчасъ, а не по мѣрѣ подготовленія условій, то отъ этого могутъ произойти частныя замѣшательства въ хозяйствѣ, но не измѣнится общій характеръ рѣшенія аграрнаго вопроса въ Прибалтійскомъ краѣ.

Можно искуственными мѣрами задержать или ускорить естественный ходъ развитія этого вопроса, но измѣнить его направленія нельзя; подавно не можетъ быть и рѣчи о насильственномъ раздробленіи крестьянскихъ участковъ на душевые надѣлы.

Чтобы окончательно покончить съ этимъ чисто механическимъ взглядомъ на сложный общественный организмъ, приведу простой ариѳметическій расчетъ. Въ Лифляндіи пространство удобной земли, т. е. пахатной, луговъ, выгоновъ и лѣсу равняется 3,714,448 десятинъ, въ томъ числѣ 1,057,057 десятинъ лѣсу, 979,849 десятинъ мызныхъ и 996,654 дес. крестьянскихъ угодій (за исключеніемъ лѣсу).

Населеніе Лифляндіи около $^1/_2$ милліона мужскихъ ревизскихъ душъ; такъ что если-бы ради чисто теоретической идеи, снабдить каждаго сельскаго обывателя клочкомъ земли, уничтоживъ существующіе хозяйственные единицы, а затѣмъ произведя равномѣрный дѣлежъ крестьянской земли, то на однаго взрослаго поселянина пришлось-бы около четырехъ десятинъ полей, луговъ и выгоновъ! Но извѣстно, что одной землей питаться нельзя: ее надобно обработать, въ нашемъ климатѣ удобрять, собранныя продукты сохранять, скотъ защитить отъ холода и дождя, однимъ словомъ каждое хозяйство требуетъ извѣстнаго *инвен-*

таря и *строеній*, безъ которыхъ земля кромѣ травы да грибовъ ничего не даетъ.

Между тѣмъ въ настоящее время въ Лифляндіи число самостоятельныхъ хозяйственныхъ единицъ 52,622, изъ нихъ 51,772 крестьянскихъ участковъ (24,401 на крестянской, остальные на мызной землѣ), 946 отданныхъ въ аренду фермъ (Hoflagen), 141 казенныхъ имѣній и 808 помѣщичьихъ хозяйствъ. При искуственномъ раздробленіи земли хотя бы только на 200,000 участковъ надо же снабдить осчастливленныхъ 150,000 новыхъ землевладѣльцевъ — инвентаремъ и строеніями, — а откуда ихъ взять? Отнять излишекъ у помѣщиковъ и 50,000 крестьянъ-хозяевъ, владѣющихъ инвентаремъ въ настоящее время? Собрать по добровольной подпискѣ? Снабдить изъ государственныхъ средствъ, т. е. на счетъ другихъ крестьянъ? Все это нелѣпо скажутъ мнѣ: совершенно согласенъ, но только нелѣпость заключается не въ требованіи инвентаря и строеній, а въ основной посылкѣ.

Искуственное созданіе массы мелкихъ собственниковъ, предоставленныхъ самимъ себѣ, *не достигнувъ предварительно извѣстной степени экономической самостоятельности* привело къ печальнымъ послѣдствіямъ въ нечерноземной части Россіи[1]), хотя основной принципъ здѣсь не противорѣчилъ обычаямъ народа и развитію хлѣбопашества. Оно даже не достигло прямой своей цѣли, обезпеченія крестьянскаго землевладѣнія, потому что нельзя-же назвать землевладѣніе обезпеченнымъ, когда приходится серьёзно говорить объ организованномъ переселеніи изъ «густонаселенной» Новгородской, Псковской, Смоленской губерній! Переселеніе при такихъ условіяхъ можетъ быть пенз-

---

[1]) Въ черноземныхъ губерніяхъ вопросъ сводится какъ кажется къ тому: выдержитъ-ли плодородная почва хищническое хозяйство до тѣхъ поръ, пока не произойдетъ такой перемѣны въ экономическомъ строѣ, который облегчилъ-бы введеніе раціональныхъ пріемовъ, обезпечивающихъ судьбу будущихъ поколѣній.

бѣжнымъ исходомъ изъ экономическаго затрудненія, но рѣшеніемъ аграрнаго вопроса малонаселенной мѣстности, его признать нельзя.

Въ Прибалтійскомъ же краѣ обычай населенія, болѣе высокое состояніе сельскаго хозяйства и масса лицъ, благосостояніе которыхъ пришлось бы при этомъ разрушить[2]), дѣлаетъ такое грубое рѣшеніе аграрнаго вопроса немыслимымъ.

Многіе читатели достаточно знакомые съ вопросомъ, чтобы считать это несомнѣннымъ и безъ моихъ доводовъ, могутъ тѣмъ не менѣе замѣтить мнѣ, что если такое искуственное дробленіе хозяйствъ представляетъ вредную крайность, то съ другой стороны и искуственныя преграды дробленію тоже нежелательны и что созданіе въ средѣ крестьянъ привиллегированнаго сословія собственниковъ, ставитъ безземельное большинство въ зависимость отъ этого сословія.

Не касаясь теоретической стороны вопроса, скажу только, что факты отвергаютъ эти опасенія. Вопервыхъ, крестьяне-хозяева составляютъ не касту, а открытый для каждаго поселянина классъ, и лучшіе элементы изъ среды земледѣльческихъ работниковъ дѣлаются хозяевами, точно также, какъ худшіе хозяева возвращаются въ сравнительно низшій общественный слой. Кромѣ того число хозяйственныхъ единицъ *постоянно увеличи-*

---

[2]) Мѣстныя земельныя кредитныя учрежденія, устроенныя въ началѣ столѣтія, даютъ ссуду, въ размѣрѣ половины оцѣненной стоимости имѣній. Вслѣдствіе потребности въ оборотномъ капиталѣ при раціональномъ хозяйствѣ, почти всѣ помѣщики воспользовались этимъ пособіемъ. Многомилліонный капиталъ, затраченный на улучшеніе хозяйствъ, внесенъ, конечно, преимущественно остальными классами населенія, за облигаціи земельныхъ банковъ, находящихся подъ солидарною гарантіей всѣхъ землевладѣльцевъ. Эти облигаціи находятся преимущественно въ рукахъ мелкихъ капиталистовъ, горожанъ и крестьянъ, такъ какъ считаются въ краѣ самою надежною и удобною процентною бумагою. Если подорвать экономическое процвѣтаніе помѣщиковъ, то долженъ пасть кредитъ земскихъ банковъ и вести за собою раззореніе тѣхъ лицъ, которыя довѣрили имъ свои сбереженія, т. е. громаднаго большинства населенія.

вается именно вслѣдствіе сильнаго вздорожанія земледѣльческаго труда, которое побуждаетъ многихъ помѣщиковъ, образовывать на мызной землѣ новые крестьянскіе участки, отдаваемые въ аренду, а затѣмъ продаваемые крестьянамъ.

Явленія настоящаго времени показываютъ не расширеніе владѣній, а напротивъ постепенное раздробленіе крупныхъ хозяйствъ въ краѣ, по мѣрѣ накопленія сбереженій въ крестьянскомъ сословіи.

Въ этомъ же направленіи шла до сихъ поръ и перемѣна политическаго строя, который при нормальномъ развитіи всегда является выразителемъ поземельныхъ отношеній.

II.

ПОЛИТИЧЕСКІЙ ВОПРОСЪ.

Разсмотрѣвъ вкратцѣ развитіе и современное положеніе аграрнаго вопроса, обратимся къ *политической* сторонѣ общественной жизни въ краѣ.

Упомянутое выше направленіе въ перемѣнѣ политическаго строя, т. е. стремленіе со стороны эсто-латышскаго населенія расширить свои политическія права, а со стороны нѣмецкой интеллигенціи сохранить свое первенствующее положеніе, и составляетъ главный стимулъ той борьбы, которая въ послѣднее время волнуетъ однихъ и тревожитъ другихъ. Аграрный вопросъ составляетъ лишь видимую подкладку, необходимое и могучее средство агитаціи, такъ какъ массу трудно увлечь отвлеченнымъ представленіемъ политическаго вліянія, не связывая его съ осязательными вещественными выгодами.

Но живая сила этого движенія, умственная дѣятельность руководителей его, — частью увлекаемыхъ безкорыстнымъ желаніемъ поднять значеніе своей народности, частью движимыхъ мотивами личнаго расчета и самолюбія, — имѣетъ своимъ источникомъ и конечною цѣлью не аграрный вопросъ, а *вопросъ политическій*. Для лицъ коротко знакомыхъ съ характеромъ, экономическимъ и общественнымъ положеніемъ и тактикою главныхъ дѣятелей, это не подлежитъ сомнѣнію.

Съ внѣшней стороны это движеніе должно повидимому въ сравнительно скоромъ времени прійти къ концу, вслѣдствіе пред-

стоящей радикальной перемѣны всего политическаго строя края: новое городовое положеніе, предстоящая судебная реформа и наконецъ введеніе земскихъ учрежденій, замѣнятъ остатки сословной организаціи, всесословною и перенесутъ борьбу изъ области противозаконной агитаціи, въ сферу, обставленную законными рамками.

При такомъ положеніи вопроса, рѣшеннаго въ принципѣ, можетъ показаться праздымъ желаніе познакомить читателей съ основными чертами политическаго строя, который черезъ нѣсколько лѣтъ будетъ составлять достояніе исторіи и потому, казалось бы, не имѣетъ практическаго значенія. Но извѣстно, что суть политической жизни зависитъ не столько отъ формы учрежденій, сколько отъ духа лицъ, которымъ суждено ими пользоваться. Бозспорно, этотъ духъ въ значительной мѣрѣ обусловливается и воспитывается существующими учрежденіями; но это вліяніе медленное, и значеніе вѣковаго воспитанія въ извѣстномъ направленіи, нельзя уничтожить такъ легко, какъ можно уничтожить тѣ законы и права, которыми оно было вызвано. Вотъ почему нельзя отнестись объективно ни къ прошлому, ни къ настоящему Прибалтійскаго края, и нельзя вѣрно оцѣнить значеніе предстоящихъ перемѣнъ, не зная характера учрежденій, исторически сложившихся, дѣйствовавшихъ въ продолженіи вѣковъ и перемѣнявшихся лишь постепенно, рядомъ реформъ имѣвшихъ цѣлью привести политическія права различныхъ факторовъ общественнаго организма, въ соотношеніе съ измѣняющимся культурнымъ и экономическимъ ихъ значеніемъ.

При этомъ основной принципъ самоуправленія оставался неизмѣненнымъ, а измѣнялось лишь распредѣленіе правъ и обязанностей. Тогда какъ въ чисто-русскихъ губерніяхъ, даже послѣ введенія земскихъ учрежденій, почти всѣ должностныя лица въ губерніи назначаются Администраціей изъ числа правительственныхъ чиновниковъ, въ Прибалтійскихъ губерніяхъ Правительство оставило это право за дворянскими собраніями, которыя, на основаніи выборовъ, поручаютъ необходимыя для управленія

краемъ должности лицамъ, изъ числа мѣстныхъ землевладѣльцевъ[1]). Право голоса на выборахъ имѣютъ владѣльцы помѣстій, приносящихъ по официальной оцѣнкѣ не менѣе извѣстнаго дохода. Выборныя должностныя лица не могутъ быть смѣнены до окончанія срока службы иначе какъ по суду. Въ Эстляндіи всѣ выборные должны служить краю безвозмездно[2]), въ Лифляндіи же въ послѣднее время съ нѣкоторыми должностями связано денежное вознагражденіе.

Дворянское собраніе (Landtag) выбираетъ лишь тѣхъ должностныхъ лицъ, кругъ дѣятельности которыхъ распространяется на всю губернію или на цѣлый уѣздъ; для управленія же болѣе мелкимъ административнымъ дѣленіемъ, а именно приходомъ, необходимыя должностныя лица назначаются изъ числа мѣстныхъ жителей (независимо отъ сословій), мѣстными землевладѣльцами, сообща съ представителями селскихъ крестьянскихъ обществъ; самая мелкая административная единица, сельское общество, управляется исключительно выборными отъ крестьянскихъ обществъ, крестьянами. Кромѣ того крестьяне посылаютъ изъ своей среды засѣдателей въ нѣкоторыя уѣздныя и приходскія общественныя учрежденія, какъ-то уѣздный судъ и коммисію народныхъ школъ.

Назначаемыя въ Прибалтійскія губерніи правительственные чиновники, какъ-то: прокуроръ, члены губернскаго правленія, и пр., обязаны слѣдить за тѣмъ, чтобы органы самоуправленія дѣйствовали въ предѣлахъ существующихъ законоположеній. Начальникъ губерніи, губернаторъ, слѣдитъ за общимъ порядкомъ и правильнымъ ходомъ общественной жизни губерніи.

Распредѣленіе общественныхъ сборовъ, утвержденіе годовыхъ смѣтъ и рѣшеніе всѣхъ вопросовъ по управленію губерніей, сопряженныхъ съ денежными расходами, предоставлено

---

[1]) Для нѣкоторыхъ должностей въ Лифляндіи и для многихъ въ Эстляндіи, еще требуется принадлежность къ мѣстному дворянству.

[2]) Въ случаѣ отказа они платятъ пеню.

собранію, состоящему изъ всѣхъ помѣщиковъ, независимо отъ ихъ сословія, но владѣющихъ въ губерніи имѣніемъ превышающимъ извѣстный наименьшій предѣлъ. Всѣ земскіе сборы взываются исключительно съ лицъ, которые *владѣютъ* удобною землею и распредѣляются сообразно съ доходностью земли.

Города управляются самостоятельно, на основаніи городоваго положенія, дѣйствующаго въ остальныхъ городахъ Россіи.

Изъ этого бѣглаго очерка читатели усмотрятъ слѣдующія существенныя черты различія между организаціей самоуправленія въ Остзейскомъ краѣ и земскими учрежденіями.

1) Тѣже собранія, которыя опредѣляютъ размѣры и назначеніе земскихъ сборовъ, выбираютъ также должностныя лица, на обязанности которыхъ лежитъ *выполненіе* этихъ рѣшеній.

2) Правительственные чиновники имѣютъ лишь контроль надъ законностью дѣйствій мѣстныхъ должностныхъ лицъ. Исключеніе составляетъ земская полиція, которая должна слѣдовать инструкціямъ и приказаніямъ губернатора.

3) Общественные элементы, входящіе въ составъ различныхъ собраній (Landtag, Kreistag, Kirchspielconvent, Gemeindeversammlung), различны, смотря по сферѣ ихъ дѣятельности, такъ на пр. вопросы, касающіеся всей губерніи или цѣлаго уѣзда, рѣшаются исключительно собраніемъ крупныхъ землевладѣльцевъ или лицъ этимъ собраніемъ уполномоченныхъ; вопросы касающіеся прихода (соотвѣтствующаго волости), рѣшаются совмѣстно помѣщиками и представителями отъ крестьянъ, и наконецъ вопросы, касающіеся исключительно сельскаго общества, подлежатъ всецѣло вѣдѣнію выборныхъ отъ крестьянъ.

4) Происхожденіе мѣстнаго самоуправленія историческое; оно возросло изъ древнихъ учрежденій, подъ вліяніемъ измѣнявшихся внѣшнихъ и внутреннихъ силъ, сохраняя впродолженіи вѣковъ органическую связь съ прошедшимъ.

5) Дворянскія собранія имѣютъ право законодательной инициативы, т. е. они имѣютъ право предлагать Высшему Правительству на разсмотрѣніе проекты законоположеній, имѣющихъ

мѣстное значеніе. Эти законопроекты могутъ быть конечно оставлены Правительствомъ безъ вниманія.

Можно сказать безошибочно, что несмотря на разнообразіе состоянія, сословія, политическихъ правъ и убѣжденій лицъ принадлежащихъ къ такъ называемой «нѣмецкой интеллигенціи» Прибалтійскаго края, *всѣ они*, за единичными исключеніями, считаютъ вышеприведенныя существенныя особенности мѣстнаго самоуправленія, драгоцѣннымъ наслѣдіемъ прошлаго и желали бы сохраненіе этихъ особенностей, хотя мнѣнія относительно необходимыхъ перемѣнъ въ *распредѣленіи* правъ и обязанностей, между различными группами населенія, въ высшей степени разнообразны.

Въ этомъ отношеніи можно различить три главныхъ направленія:

Одни (консерваторы), желали бы по возможности сохранить нынѣ существующій политическій строй, находя, что рядъ коренныхъ реформъ послѣднихъ десятилѣтій (пріобрѣтеніе крестьянами земельной собственности, введеніе крестьянскаго самоуправленія, свободы передвиженія и т. д.), требуетъ времени, чтобы дать новымъ учрежденіямъ окрѣпнуть, а той части населенія, которая получила новыя права, дорости до нихъ опытомъ и уже затѣмъ приступать къ расширенію этихъ правъ. Кромѣ того эта партія считаетъ недостойнымъ предлагать или поддерживать какія-либо реформы, не съ цѣлью принести дѣйствительную пользу краю, а лишь съ цѣлью уступить такъ называемому духу времени, понятію, неопредѣленному и преходящему, которому не слѣдуетъ рабски подчиняться.

Другіе (либералы), находятъ необходимымъ приступить немедленно къ привлеченію непривиллегированныхъ сословій, къ участію во всѣхъ отрасляхъ самоуправленія, частью руководствуясь чувствомъ справедливости, частью тѣмъ соображеніемъ, что только при такой политикѣ возможно будетъ

сохранить за краемъ тѣ драгоцѣнныя права, которыя до сихъ поръ были достояніемъ лишь одного сословія.

Третьи, наконецъ (которыхъ я для краткости назову оппортунистами) полагаютъ, что выработка проектовъ реформъ, хотя бы самыхъ либеральныхъ, но отличающихся существенно отъ дѣйствующихъ въ остальной Россіи учрежденій, есть трудъ непроизводительный.

Ссылаясь на примѣръ проектовъ реформъ городоваго самоуправленія и судебныхъ учрежденій края, выработанныхъ лучшими мѣстными юристами и знатоками дѣла, но оставленныхъ безъ послѣдствій, они утверждаютъ, что подобныя реформы не получатъ законной санкціи. Находя-же, что существующій порядокъ не соотвѣтствуетъ потребностямъ времени, и не надѣясь на возможность реформъ, сохраняющихъ самобытность губерній, они желаютъ введенія земскихъ и судебныхъ учрежденій, дѣйствующихъ въ остальной Россіи, съ тѣми лишь измѣненіями, которыя вытекаютъ изъ бытовыхъ и экономическихъ особенностей края (отсутствіе общиннаго владѣнія, существованіе мелкихъ собственниковъ и хозяевъ-арендаторовъ и т. п.). Они надѣются, что, благодаря привычкѣ къ самоуправленію выработанной во всѣхъ классахъ Прибалтійскаго края, дѣло пойдетъ хорошо, несмотря на недостатки земскихъ учрежденій.

Что касается до *эсто-латышскаго населенія*, то оно въ *массѣ* своей, конечно, не имѣетъ и не можетъ имѣть опредѣленныхъ политическихъ стремленій. Оно желаетъ такого измѣненія политическаго строя, которое имѣло бы послѣдствіемъ уменьшеніе отбываемыхъ повинностей, и съ особеннымъ удовольствіемъ встрѣтило бы реформы, которыя дали бы имъ возможность пріобрѣсти даромъ или за цѣну ниже дѣйствительной стоимости, земли имъ не принадлежащія. Это весьма естественное желаніе, въ нормальное время уступаетъ мѣсто убѣжденію въ святости законовъ и въ ненарушимости права собственности.

Въ ненормальное же время организованной агитаціи, желаніе улучшить легчайшимъ путемъ свое благосостояніе, всплываетъ на поверхность и можетъ, при достаточной продолжительности, ловкости, а главное безнаказанности агитаціи, сдѣлаться серьёзнымъ общественнымъ явленіемъ.

Въ *передовомъ меньшинствѣ* этого населенія, выдающемся по образованію, энергіи или умственнымъ способностямъ, можно выдѣлить два направленія, составляющихъ какъ бы крайніе предѣлы различныхъ промежуточныхъ оттѣнковъ политическихъ воззрѣній и стремленій.

Одна группа признаетъ великія услуги, оказанныя нѣмецкою частью населенія, ихъ соплеменникамъ, видитъ въ дружномъ взаимодѣйствіи всѣхъ классовъ, лучшій залогъ дальнѣйшаго развитія народности, не достигшей еще культурной самостоятельности, но обладающей несомнѣнными задатками умственнаго и нравственнаго роста, и стоитъ твердо на почвѣ протестантской культуры и постепенныхъ реформъ, не разрывающихъ связи съ прошедшимъ.

Другая, крайняя фракція младо-эстовъ и латышей, указываетъ на суровое порабощеніе своихъ предковъ нѣмецкими завоевателями, сохранившими и понынѣ политическое преобладаніе и, преисполненная ненавистью къ горсти людей, составляющихъ по ихъ мнѣнію главный тормазъ въ движеніи къ экономическому и нравственному процвѣтанію и самостоятельности угнетенныхъ народностей, желала бы возможно полнаго и быстраго уничтоженія вліянія «нѣмцевъ».

Для достиженія своей цѣли, эта партія, подобно всѣмъ крайнимъ партіямъ, стремящимся не къ реформамъ а къ перевороту, прибѣгаетъ ко всѣмъ дозволеннымъ и недозволеннымъ средствамъ борьбы. Кто имѣлъ случай читать въ подлинникѣ органы этого направленія, и знаетъ къ какой лжи, клеветѣ и обману прибѣгаютъ нѣкоторые изъ народныхъ дѣятелей, для возбужденія недовольства и злобы въ массѣ ихъ соплеменниковъ, тотъ не можетъ не признать эту партію,

численно слабую, но сильную страстнымъ фанатизмомъ, весьма важнымъ фактомъ въ современномъ развитіи Прибалтійскаго края.

Культъ доисторическаго прошлаго, обставляемаго небывалымъ блескомъ, и возбужденіе утопическихъ надеждъ на великую будущность самостоятельной національной жизни, послѣ изгнанія нѣмцевъ при помощи русскихъ, составляютъ теоретическія орудія этой агитаціи. Распространеніе ложныхъ слуховъ и извращеніе фактовъ, какъ въ средѣ крестьянъ, такъ и въ русскомъ обществѣ, производятъ волненіе умовъ и подрываютъ нравственный авторитетъ мѣстныхъ властей.

Только благодаря здравому смыслу и религіозности населенія, эта систематическая агитація не успѣла еще привести къ результатамъ, требующимъ энергическаго вмѣшательства власти, такъ какъ несомнѣнно, что край, въ которомъ имущественныя различія почти совпадаютъ съ различіями племенными, составляетъ особенно удобное, но и особенно опасное поле для революціонныхъ ученій. — Я далекъ отъ мысли отождествлять младоэстское движеніе, съ революціонными стремленіями небольшаго числа *крайнихъ* вожаковъ, но счелъ необходимымъ указать на нихъ потому, что исторія всѣхъ временъ и народовъ показываетъ, что при всякомъ революціонномъ движеніи, не остановленномъ во время, мнѣнія самыхъ ярыхъ фанатиковъ, какъ бы нелѣпы и вредны эти мнѣнія ни были, получаютъ на время перевѣсъ надъ болѣе умѣренными стремленіями, такъ какъ имѣютъ передъ ними преимущество въ силѣ страсти и сильнѣе дѣйствуютъ на воображеніе возбужденныхъ умовъ.

Взглядъ преобладающій въ *русскомъ обществѣ* на политическій строй Остзейскаго края, извѣстенъ читателямъ: всѣ различія направленій существующихъ въ обществѣ, изглаживаются одинаковостью практическаго вывода, который можно резюмировать словами: политическія особенности Прибалтійскихъ губерній необходимо уничтожить, и ввести съ возможно

меньшими измѣненіями и въ возможно скоромъ времени, учрежденія, дѣйствующія въ остальной Россіи.

Мотивы и аргументы, которые приводятъ къ этому заключенію, весьма различны и зависятъ отъ того, имѣемъ ли мы дѣло съ консерваторомъ или либераломъ, Московскаго или Петербургскаго толка, — но результатъ все тотъ же.

Для однихъ, главная цѣль такой перемѣны состоитъ въ болѣе тѣсномъ сліяніи окраины съ коренною Русью; желаніе сохранить самобытность, они называютъ сепаратизмомъ, и видятъ въ попыткахъ отклонить насильственный перерывъ естественнаго развитія унаслѣдованныхъ учрежденій, политическую интригу направленную противъ цѣльности Государства.

Для другихъ, самая полная и безапелляціонная критика учрежденій, заключается въ словахъ: «средневѣковыя, феодальныя, несовременныя». Для этихъ лицъ, а имя имъ Легіонъ, кажется очевиднымъ и несомнѣннымъ, что учрежденія, пустившія корни въ темныя вѣка мѣченосцевъ, введенныя необразованными и своевольными рыцарями и купцами, должны быть хуже учрежденій, выработанныхъ въ концѣ XIX-го столѣтія лицами просвѣщенными, даже учеными, и потому представляющихъ, если не послѣднее, то ужь навѣрное предпослѣднее слово науки.

Нежеланіе большинства мѣстной интеллигенціи, промѣнять обвѣтшалыя латы, на вицъ-мундиръ съ иголочки, они объясняютъ самымъ удовлетворительнымъ образомъ тѣми феодальными привилегіями, которыхъ лишаются эти «интеллигенты» при такомъ обмѣнѣ.

Наконецъ не малочисленъ и не безъ вліянія тотъ классъ чиновнаго люда, для котораго эти учрежденія составляютъ бѣльмо на глазу уже по той причинѣ, что они не похожи на дѣйствующія въ остальныхъ губерніяхъ, и потому нарушаютъ стройность, ясность, единообразіе того механизма, въ которомъ упомянутыя лица состоятъ болѣе или менѣе крупнымъ колесомъ или винтикомъ. Такой органическій наростъ на го-

сударственномъ тѣлѣ не долженъ быть терпимъ, онъ нарушаетъ естественный токъ чернильныхъ соковъ и при отправленіи своихъ функцій, эти колеса встрѣчаютъ неожиданное треніе, въ видѣ правъ и привилегій, къ которымъ они не привыкли, и существованіе которыхъ очевидно должно быть вредно для Государства, такъ какъ оно не удобно для нихъ, государственныхъ дѣятелей.

Хотя соображенія послѣдняго рода въ настоящее время и не высказываются открыто, такъ какъ чиновники не въ модѣ[1]), но тѣмъ не менѣе ихъ взглядъ наиболѣе основательный изъ перечисленныхъ выше.

Эти права и привилегіи дѣйствительно неудобны для чиновника, привыкшаго руководить всѣми отправленіями общественной жизни, сообразно съ моментальными потребностями, личнымъ усмотрѣніемъ или полученными инструкціями, а не на основаніи существующаго закона. Такъ какъ эти права вѣковыми традиціями вошли въ сознаніе лицъ и корпорацій ими огражденныхъ, то успѣли выработать вѣру въ ихъ силу и дѣйствительность — единственной залогъ гражданской свободы. Самыя обширныя права не имѣютъ *ни малѣйшей цѣны*, если нѣтъ увѣренности, что они не могутъ быть отмѣнены *при первомъ встрѣтившемся неудобствѣ*. Права мѣстнаго самоуправленія въ Прибалтійскомъ краѣ, въ существенныхъ чертахъ своихъ

---

[1]) Впрочемъ увлеченіе этою модою доводитъ многихъ до несправедливаго отношенія къ этому необходимому классу людей. *Добросовѣстный* чиновникъ наиболѣе подходящее лицо, чтобы слѣдить за точнымъ *исполненіемъ* закона, такъ какъ неудобства примѣненія закона въ томъ или иномъ частномъ случаѣ, не касаются его личныхъ интересовъ, какъ это бываетъ съ земскими дѣятелями. По этой же самой причинѣ чиновникъ вообще говоря менѣе компетентенъ чтобы судить о *разумности* закона, такъ какъ по роду своей дѣятельности ему *лично* рѣдко приходится испытывать, тормозитъ ли данный законъ экономическую и гражданскую жизнь, или нѣтъ. Недобросовѣстный же чиновникъ конечно такъ же вреденъ, какъ и недобросовѣстный земецъ.

выдержали испытаніе многихъ вѣковъ и многихъ невзгодъ. Политически — развитая часть населенія знаетъ ихъ цѣну и потому дорожитъ ими и не желаетъ промѣнять ихъ на права, которыя могутъ быть сегодня даны, а завтра отняты.

Ошибаются тѣ лица, которыя думаютъ, что этими правами дорожитъ лишь привилегированное дворянство. Они легко могутъ убѣдиться въ своей ошибкѣ, если вспомнятъ тотъ фактъ, что самые горячіе ихъ защитники, встрѣчаются въ рядахъ всѣхъ сословій: ученыхъ, литераторовъ, юристовъ, врачей, пасторовъ, художниковъ. Они защищаютъ ихъ не съ тѣмъ, чтобы сохранить ихъ навѣки за однимъ сословіемъ, а съ тѣмъ, чтобы открыть доступъ къ ихъ пользованію всѣмъ наростающимъ общественнымъ силамъ края. Они знаютъ, что къ правамъ эфемернымъ не стоитъ открывать и доступа. Въ этомъ стремленіи они встрѣчаютъ сочувствіе и поддержку со стороны вліятельной и обширной партіи дворянства, сознавшей ослабляющее дѣйствіе сословнаго антагонизма, прежде существовавшаго.

Но, скажутъ мнѣ, чѣмъ-же высказались на дѣлѣ преимущества защищаемаго самоуправленія? Оно ограждало интересы помѣщиковъ-дворянъ, но поэтому самому должно было дѣйствовать въ ущербъ интересовъ крестьянъ.

На это я отвѣчу вопервыхъ, что факты составляютъ лучшую оцѣнку учрежденій и что самоуправленіе Остзейскихъ провинцій съ честью выдержало такую критику, по тѣмъ результатамъ, которые на лицо. Во-вторыхъ, не трудно убѣдиться въ полной неосновательности мнѣнія, распространеннаго въ средѣ городскихъ жителей, о непремѣнной противоположности интересовъ, въ вопросахъ, касающихся самоуправленія, между крупными и мелкими землевдадѣльцами или между помѣщиками и крестьянами-хозяевами и земледѣльческими работниками. Для этого стоитъ только дать себѣ объективный отчетъ въ сущности самоуправленія, каковымъ оно было до сихъ поръ

въ Остзейскомъ краѣ. Дѣйствительно, въ чемъ состоятъ его главныя функціи?

1) Въ собираніи государственныхъ повинностей.

2) Въ назначеніи земскихъ налоговъ и въ употребленіи ихъ на мѣстныя нужды, какъ-то: суды, полицію, пути-сообщенія, санитарныя мѣры, народныя школы и церковь.

Размѣръ и распредѣленіе государственныхъ повинностей, опредѣляется центральнымъ правительствомъ, и роль мѣстныхъ властей ограничивается ихъ сборомъ. Насколько удовлетворительно исполняется ими эта важная обязанность, явствуетъ изъ того факта, что Прибалтійскія губерніи принадлежатъ къ самымъ исправнымъ плательщикамъ податей, хотя къ крайнимъ мѣрамъ, въ родѣ продажи скота и инвентаря, тамъ не прибѣгаютъ. Это явленіе объясняется частью болѣе удовлетворительнымъ экономическимъ положеніемъ крестьянъ, сравнительно съ сосѣдями нечерноземной Россіи; частью-же оно зависитъ отъ того обстоятельства, что полицейская власть находится не въ рукахъ исправниковъ и становыхъ, лично не заинтересованныхъ въ благосостояніи крестьянъ, а въ рукахъ выборныхъ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, которые подрывали-бы благосостояніе свое и своихъ сосѣдей, раззоряя крестьянъ неразумными мѣрами, не говоря уже объ отсутствіи тѣхъ поборовъ, не поступающихъ въ казну, которые составляютъ нерѣдкое явленіе въ Россіи, и о которой конечно нѣтъ и рѣчи въ Остзейскомъ краѣ. Тутъ мы видимъ слѣдовательно полную солидарность интересовъ помѣщиковъ и крестьянъ.

Нельзя сказать того-же про исключительное право назначенія и употребленія земскихъ сборовъ, безъ всякаго участія сословія крестьянъ; оно составляетъ остатокъ экономическаго положенія, при которомъ вся земля, — предметъ обложенія, — находилась исключительно въ рукахъ помѣщиковъ. При существованіи многочисленныхъ мелкихъ собственниковъ, сохраненіе этого порядка, не соотвѣтствуетъ болѣе условіямъ жизни. Отмѣна его, составляетъ предметъ борьбы партій въ

средѣ самаго дворянства. Къ сожалѣнію усилія либеральной партіи, оставались до сихъ поръ безуспѣшными, вслѣдствіе оппозиціи какъ консерваторовъ, такъ и оппортунистовъ. Нельзя отвергать, что существуетъ желаніе мелкихъ землевладѣльцевъ, участвовать при обсужденіи и рѣшеніи вопросовъ, касающихся ихъ денежныхъ интересовъ; нельзя также непризнать такое желаніе основательнымъ. Безспорно земскіе налоги ложатся съ сравнительно большею тягостью на крупныхъ землевладѣльцевъ, платящихъ какъ за мызную землю, такъ и за отдаваемую въ аренду; весьма вѣроятно также, что крупные землевладѣльцы, вслѣдствіе высшаго образованія и большаго навыка, въ состояніи лучше оцѣнить общія земскія потребности и нужды нежели мелкій землевладѣлецъ, скорѣе склонный преслѣдовать болѣе узкія цѣли. Но съ другой стороны привлеченіе крестьянъ къ этому дѣлу, расширитъ ихъ умственный горизонтъ, познакомитъ ихъ съ причинами и соображеніями, заставляющими назначать сборы, которыя они платятъ изъ своего кармана, и удовлетворитъ потребности сельскаго населенія, вступить на болѣе широкое поле общественной дѣятельности.

Разсмотримъ теперь различныя отрасли употребленія налоговъ и прослѣдимъ, въ чемъ должна проявляться солидарность интересовъ и въ чемъ ихъ противоположность.

Охраненіе жизни, собственности, ненарушимости договоровъ и общественнаго порядка, составляетъ одинаковый интересъ какъ помѣщиковъ, такъ и тѣхъ крестьянъ, которые не желаютъ пользоваться чужою собственностью, не желаютъ буйствовать, нарушать чужихъ правъ и не исполнять принятыя ими на себя обязательства.

Интересъ государства и всѣхъ мирныхъ гражданъ настоятельно требуетъ одного: чтобы судьи руководствовались единственно справедливостью и закономъ, а исполнительная власть, полиція, кромѣ того имѣла бы достаточную силу и нравственный авторитетъ, чтобы предупреждать злодѣянія, а въ случаѣ ихъ совершенія, содѣйствовать ходу правосудія.

Порядокъ судопроизводства въ Остзейскомъ краѣ, мѣстные юристы признаютъ сложнымъ, устарѣлымъ, значительно уступающимъ по простотѣ формъ и стройности системы, новымъ судебнымъ уставамъ Россіи. Потребность въ судебной реформѣ сознается давно всѣми, и выразилась упомянутыми раньше проектами реформъ, не получившими утвержденія въ виду предполагавшагося примѣненія общихъ положеній.

Чтоже касается до *судей*, (которые важнѣе уставовъ), то про нихъ можно сказать безъ боязни встрѣтить съ чьей либо стороны противорѣчіе, что они, подобно всѣмъ *безъ исключенія* органамъ самоуправленія края, стоятъ внѣ тѣни подозрѣнія корыстолюбія. Правда, новые суды и въ остальной Россіи сохранили добрую славу честности, чего нельзя сказать про многихъ другихъ представителей власти, административной и земской. Въ примѣненіи же къ выборнымъ изъ дворянъ-помѣщиковъ въ Остзейскомъ краѣ, понятіе взятокъ не существуетъ. Эта заслуга чисто отрицательная, притомъ не великая со стороны лицъ матеріально-независимыхъ, съ высокимъ общественнымъ положеніемъ, подверженныхъ ежедневному контролю общественнаго мнѣнія, — не того которое дѣлается въ столичныхъ газетахъ за сотнями верстъ, а мнѣнія своихъ же сосѣдей крестьянъ и помѣщиковъ. Заслуга, говорю, не велика, — а услуга краю великая. Кто знаетъ разъѣдающее вліяніе этого бича Россіи, недовѣріе и неуваженіе къ органамъ власти и закона, разслабляющее дѣйствіе примѣра, тотъ отнесется серьёзно къ этому факту находящемуся въ тѣсной связи съ «феодализмомъ, средневѣковостью и отсталостью» мѣстныхъ учрежденій. Сохраненіе этихъ традицій, составляетъ одинъ изъ вѣскихъ аргументовъ сторонниковъ постепеннаго развитія учрежденій, вмѣсто ломки ихъ [1]).

---

[1]) Что эта сторона общественной жизни края зависитъ именно отъ традицій выработанныхъ учрежденіями, а не составляетъ племенной особенности, явствуетъ изъ того факта, что лица принадлежащія къ тому же

Но если ни кто не обвиняетъ судей края въ корыстныхъ мотивахъ, то это вознаграждается обвиненіемъ въ пристрастіи въ пользу того класса, къ которому они принадлежатъ и которымъ избираются.

Опровергнуть фактически такое тяжелое обвиненіе класса, честно и серьёзно относящагося къ своей святой обязанности, также трудно, какъ и доказать его, поэтому я коснусь лишь вопроса о внутренней вѣроятности, которая для массы русскаго общества составляетъ самый вѣскій доводъ въ пользу обвиненія. Правда, судьи избираются исключительно помѣщиками, въ Эстляндіи даже исключительно дворянами, но развѣ это дѣлаетъ ихъ зависимыми отъ избирателей? Я остановлюсь на примѣрѣ Эстляндіи, гдѣ «отсталыя особенности» сохранились дольше.

За малыми исключеніями, судьи избираются на трехгодичный срокъ и служатъ безвозмездно. Какая причина можетъ заставить судью отступить отъ присяги, лишиться уваженія своихъ же собратовъ, ради того, чтобы угодить имъ въ ущербъ своихъ или сосѣднихъ крестьянъ?

Боязнь что его не выберутъ по истеченіи срока? Но читатель долженъ помнить, что общественныя должности въ отсталой Эстляндіи, сопряжены не съ выгодою, а съ прямою потерею денегъ, времени и душевнаго спокойствія. Это *тяжелое бремя*, которое каждый несетъ потому, что того требуетъ долгъ[1]), вѣ-

---

классу Остзейскихъ бароновъ, находясь на государственной службѣ внѣ края, поставляли не меньшій процентъ казнокрадовъ, какъ ихъ славянскіе соотечественники. Нѣмецкіе воры часто отличались отъ русскихъ лишь тѣмъ, что послѣдніе брали да проживали, первые брали да сберегали.

[1]) Противъ отказа существуетъ два средства: во первыхъ штрафъ (300 р.), во вторыхъ общественное мнѣніе. Бывали случаи (хотя весьма рѣдкіе) что помѣщики предпочитали платить штрафъ. Тогда ихъ избирали каждое трехлѣтіе до достиженія преклонныхъ лѣтъ освобождающихъ отъ общественной службы. Конечно обычай составляетъ болѣе надежную силу.

ками сложившійся обычай, и сознаніе пользы приносимой родинѣ. Если же обвиненіе сводится на то, что судьи пристрастны не преднамѣренно, а какъ бы безсознательно, въ силу идей распространенныхъ въ той сферѣ, въ которой выросли и вращаются, то я не отвергаю этой психологической истины, но позволю себѣ только спросить: откуда же возьмутся судьи не выросшіе, и не вращающіеся ни въ какой сферѣ, представляющіе какъ бы отвлеченнаго человѣка, безъ рода, безъ племени? Спрашивается, хуже ли другихъ сфера наслѣдственнаго помѣстнаго дворянства, для развитія тѣхъ качествъ независимости, честности, добросовѣстности и здраваго смысла, которыя необходимы для судьи?

Впрочемъ, отъ нынѣшняго порядка назначенія судей прійдется отказаться и въ Эстляндіи, какъ отказались отъ него въ Лифляндіи, но не потому, чтобы они стояли ниже своего призванія, а потому во первыхъ, что такъ приказано; во вторыхъ потому, что при усложненіи общественной жизни и при постепенномъ увеличеніи числа помѣщиковъ-недворянъ, число лицъ готовыхъ приносить эту великую жертву, все болѣе и болѣе уменьшается. Дворянство какъ классъ лишится права; каждый дворянинъ-помѣщикъ избавится отъ тяжелой обязанности.

Впрочемъ составъ судовъ которымъ подлежатъ гражданскія дѣла (а только тамъ можетъ имѣть мѣсто сословное пристрастіе), уже и теперь гарантируетъ интересы крестьянъ: въ волостномъ судѣ (Kirchspielgericht) два засѣдателя изъ крестьянъ и одинъ судья некрестьянинъ; въ уѣздномъ судѣ два засѣдателя избираемыхъ помѣщиками и два изъ крестьянъ. Только высшая инстанція (Oberlandgericht въ Эстляндіи, Hofgericht въ Лифляндіи), состоитъ изъ пожизненныхъ членовъ избираемыхъ дворянствомъ[1]).

Перехожу къ третьему изъ перечисленныхъ круговъ дѣятельности самоуправленія: содержанію *путей-сообщенія.*

Хорошее состояніе путей для провоза продуктовъ, касается, конечно, интересовъ всѣхъ производительныхъ сословій края и

---

[1]) Въ Hofgericht два члена назначаются Правительствомъ.

заботясъ о ихъ постоянной поддержкѣ и развитіи, помѣщики сослужили службу себѣ и крестьянамъ въ одинаковой мѣрѣ. Что они хорошо завѣдывали этимъ дѣломъ, это подтвердитъ всякій, кто имѣлъ случай производить на своихъ бокахъ сравнительныя испытанія главныхъ и проселочныхъ дорогъ въ велико-русскихъ и въ Прибалтійскихъ губерніяхъ.

Относительно *народныхъ школъ* нельзя утверждать полной одинаковости интересовъ, понятыхъ въ узкомъ смыслѣ этого слова. Польза отъ хорошихъ школъ для крестьянъ очевидна и непосредственна. Для помѣщиковъ же сильное распространеніе просвѣщенія и умственной жизни въ средѣ сословія находящагося отъ нихъ въ зависимости, сопряжено съ многими очевидными и непосредственными личными неудобствами. Извѣстно, что каждый шагъ на пути къ просвѣщенію, сопряженъ съ развитіемъ чувства независимости, собственнаго достоинства, критики и самостоятельности. Безспорно удобнѣе имѣть работника, который хорошо знаетъ свое дѣло, но о другихъ вопросахъ, кромѣ полей да скота не думаетъ, газетъ и книжекъ не читаетъ, словомъ безграмотнаго хлѣбопашца, отрѣзаннаго отъ остальнаго міра своимъ невѣжествомъ.

Если вѣрить нашимъ домарощеннымъ мыслителямъ, утверждающимъ, что всѣ люди (исключая ихъ самихъ), руководствуются лишь соображеніями узкаго личнаго интереса, то можно было бы ожидать, что въ Остзейскомъ краѣ вліятельное дворянство должно было противиться развитію народнаго образованія, и что оно поэтому должно стоять на низкой степени развитія. Читателямъ, конечно, не безъизвѣстно, что факты говорятъ иное. По числу народныхъ школъ и распространенію грамотности, Прибалтійскія губерніи стоятъ нетолько несравненно выше всѣхъ безъ исключенія русскихъ губерній, но уступаютъ лишь немногимъ странамъ западной Европы, и мѣстный законъ обязательнаго обученія могъ быть введенъ при окрѣпшей школьной системѣ, какъ послѣдній плодъ долгой и упорной работы на этомъ поприщѣ. Этой системой народныхъ школъ край и пре-

имущественно сельское населеніе *всецѣло* обязано нѣмцамъ-помѣщикамъ и пасторамъ. По почину помѣщиковъ и благодаря ихъ матеріальной поддержкѣ, основаны тѣ сотни школъ, которыя распространены по всѣмъ селамъ и деревнямъ края; дворянствомъ же основаны и поддерживаются учительскія семинаріи. Внутренняя жизнь школъ находилась подъ руководствомъ духовенства, которое личными заботами и надзоромъ обезпечивало ее правильное развитіе и сдѣлало народную школу разсадникомъ религіозныхъ и нравственныхъ началъ.

Неудобныя для помѣщиковъ послѣдствія просвѣщенія, на которыя я указалъ выше, не преминули обнаружиться. Такъ на примѣръ современная агитація въ газетахъ, литературныхъ и другихъ сельскихъ обществахъ, конечно, не была бы возможна, безъ народной школы. Почему же помѣщики, такъ ловко умѣющіе сохранять свое исключительное положеніе полноправныхъ хозяевъ подавленной массы, сдѣлали такую грубую ошибку и сами съ трудомъ и большими жертвами создали оружіе, которое способно ослабить ихъ первенствующее положеніе? И на это можно найти удовлетворительное объясненіе въ газетахъ: они желали посредствомъ школы онѣмечить сельское населеніе и такимъ образомъ создать тотъ народный фундаментъ, котораго имъ недостаетъ въ борьбѣ съ руссификаціей. Объясненіе просто, но не вѣрно; оно упускаетъ изъ виду то обстоятельство, что въ народныхъ школахъ нѣмецкому языку *не учатъ*, а тамъ обучаютъ *исключительно* на мѣстномъ нарѣчіи (латышскомъ или эстонскомъ), чтенію, письму, ариѳметикѣ и закону Божію, и что даже большинство сельскихъ учителей не знаетъ нѣмецкаго языка. Вѣроятно ли чтобы нѣмцы избрали такой способъ германизаціи, при которомъ открываютъ населенію доступъ къ культурѣ, помимо знанія нѣмецкаго языка?

Истинное же объясненіе безкорыстнаго содѣйствія вліятельныхъ нѣмецкихъ классовъ къ созданію народной школы состоитъ въ томъ, что гумманность и истинный либерализмъ, т. е. желаніе улучшить положеніе другихъ, не составляютъ исключи-

тельную принадлежность сердобольныхъ писателей, но встрѣчаются и въ другихъ сферахъ, находящихся подъ вліяніемъ Европейской цивилизаціи.

Если было бы нелѣпо, воображать себѣ Остзейское дворянство какимъ то идеальнымъ филантропическимъ обществомъ, то также далеко отъ истины представленіе о немъ, какъ о группѣ людей, получившихъ хорошее воспитаніе и высшее образованіе, для того только, чтобы жить въ своихъ помѣстьяхъ, да обижать крестьянъ.

Въ средѣ этого дворянства можно конечно встрѣтить недостатки, присущіе лицамъ пользующимся наслѣдственнымъ, сравнительно высокимъ положеніемъ: высокомѣріе, заносчивость, преувеличенное представленіе о свойствахъ «хорошей крови», и т. п., но съ другой стороны нельзя и отрицать ихъ хорошихъ качествъ, и правило «noblesse oblige», входитъ въ ихъ нравственный кодексъ, не на словахъ только, но и на дѣлѣ. Въ числѣ ихъ наслѣдственныхъ представленій (ложныхъ или неложныхъ), видное мѣсто занимаетъ убѣжденіе о своемъ призваніи и долгѣ, быть руководителями низшаго класса. Въ темныя, давнопрошедшія времена, они это руководительство понимали сообразно духу времени и пріучали подвластныхъ поселянъ къ труду и послушанію, суровыми средствами соотвѣтствовавшими ихъ собственнымъ грубымъ нравамъ; школъ не заводили, ибо сами были безграмотны; о равенствѣ людей не помышляли потому, что это понятіе небыло еще изобрѣтено; своевольничали, когда небыло власти ихъ контролировавшей — по слабости человѣческой природы, требующей внѣшней или внутренней силы, чтобы удержать ея дурные порывы. Не легко жилось поселянамъ; не легче жилось и у сосѣдей восточныхъ и южныхъ.

Но измѣнялись времена, измѣнялись и люди. Смягченіе нравовъ, гуманныя понятія, проникли и въ среду Остзейскаго дворянства, отразились на его отношеніяхъ къ другимъ классамъ, измѣнили взглядъ на обязанности сопряженныя съ правами. Въ этомъ отношеніи неоцѣнимую услугу населенію края, оказалъ

возрожденный въ началѣ столѣтія Дерптскій университетъ, какъ разсадникъ Европейской культуры и какъ могучее средство для сглаживанія сословныхъ предразсудковъ. Въ университетѣ встрѣчались подъ условіями близкаго корпоративнаго товарищества, и равенства, какаго нѣтъ въ дѣйствительномъ мірѣ — наслѣдникъ маіората, съ сыномъ бюргера и крестьянина; представители самыхъ различныхъ направленій, сталкивались ежедневно, при дружескихъ бесѣдахъ и шумныхъ пирушкахъ, ограждались этимъ отъ односторонняго вліянія тѣснаго «кружка» лицъ одного направленія, пріучаясь въ терпимости и уваженію чужихъ мнѣній. Кто имѣлъ счастье принадлежать къ этому излюбленному учрежденію, жить его внутренней жизнью, неограничиваясь наблюденіемъ внѣшнихъ проявленій этой жизни, часто весьма неизящныхъ, вслѣдствіе тяжеловѣсности германскаго веселья, тотъ знаетъ какую выработку характера, самостоятельности и уваженія къ чести другихъ, даетъ корпоративная жизнь. Къ счастью университета всѣ попытки основать студенческія соединенія на началахъ однородности сословія или убѣжденій, до сихъ поръ не удавались, и корпораціи сохранили въ Дерптѣ характеръ универсальности въ указаннымъ выше смыслѣ.

Проникшая, черезъ университетъ и другіе пути, въ среду дворянства цивилизація, и измѣнившійся взглядъ на значеніе руководящаго сословія, и была причиной содѣйствія къ распространенію народнаго просвѣщенія, а не затаенная мысль германизаціи, которая, какъ видно изъ фактовъ, была исключена по принципу. Удаленіе *всякой* политики изъ народной школы, составляетъ первое условіе ея истиннаго процвѣтанія; иначе она должна принести больше вреда, чѣмъ пользы. Сельскій учитель долженъ сообщать дѣтямъ полезныя свѣдѣнія и вселять въ нихъ здравыя нравственныя начала, а не критическое отношеніе къ политическимъ учрежденіямъ, согласнымъ или несогласнымъ съ его убѣжденіями. Лица, желающія воспользоваться народною школою, какъ орудіемъ политической борьбы, *не знаютъ, что творятъ*. Увлекаемыя близорукихъ

желаніемъ достигнуть быстро извѣстнаго результата, они изъ учрежденія благотворнаго, дѣлаютъ учрежденіе развращающее будущія поколѣнія. Политика должна быть достояніемъ зрѣлаго возраста, а не дѣтства.

Въ одинаковой степени надо остерегаться вводить политику, въ область религіи и церкви. И здѣсь мы видимъ стремленіе крайней партіи народниковъ, превратить церковь изъ орудія нравственнаго возрожденія личности, въ орудіе политическаго возрожденія народности, въ смыслѣ ими понимаемомъ. И здѣсь моментальный успѣхъ можетъ показаться заманчивымъ, но имѣлъ бы неминуемымъ послѣдствіемъ упадокъ нравственнаго авторитета церкви, которая должна стоять внѣ политическихъ партій, а не служить орудіемъ ихъ. Въ этомъ отношеніи ничтожный повидимому вопросъ о патронатѣ, весьма поучителенъ.

Въ агитаторской прессѣ, въ крестьянскихъ сельско-хозяйственныхъ обществахъ (гдѣ къ сожалѣнію политика стала часто замѣнять агрономію), даже въ адресѣ эстонской депутаціи, это право выставляется какимъ-то вопіющимъ остаткомъ среднихъ вѣковъ; мнѣ извѣстны случаи, гдѣ помѣщику грозили поджогомъ, если онъ не откажется отъ своего права, а пастору смертью, если онъ приметъ назначеніе отъ помѣщика, а не отъ крестьянъ. Въ чемъ-же состоитъ этотъ патронатъ, и почему его хотятъ уничтожить? Чтобы понять этотъ вопросъ, надо нѣсколько выяснить положеніе протестантскаго сельскаго духовенства въ Остзейскомъ краѣ.

Порядокъ назначенія слѣдующій: въ случаѣ открывающейся ваканціи, лица желающія занять ее, и имѣющія дипломъ богословскаго факультета, говорятъ въ церкви на мѣстномъ нарѣчіи (латышскомъ или эстонскомъ), пробную проповѣдь[1]).

---

[1]) Кстати замѣчу, что въ сельскихъ церквахъ воскресное богослуженіе происходитъ *всегда* на нарѣчіи крестьянъ. Время отъ времени пасторъ назначаетъ кромѣ того и нѣмецкое богослуженіе.

Изъ числа этихъ лицъ, или всѣ помѣщики принадлежащіе къ приходу, или же патронъ церкви, предлагаютъ на выборъ крестьянъ двухъ кандидатовъ. Выборъ крестьянъ поступаетъ на утвержденіе консисторіи. Въ нѣкоторыхъ-же приходахъ патронъ церкви, владѣлецъ имѣнья, въ которомъ находится церковь, имѣетъ право[1]) единолично, не спрашивая желанія крестьянъ, предлагать кандидата на утвержденіе. Разъ пасторъ получилъ утвержденіе, онъ не можетъ быть смѣненъ иначе, какъ по приговору суда. Въ матеріальномъ отношеніи онъ *совершенно* независимъ, какъ отъ помѣщиковъ, такъ и отъ крестьянъ. Онъ вполнѣ обезпеченъ доходомъ съ земли, принадлежащей на вѣки пасторату, и тѣми, точно опредѣленными, натуральными повинностями, которыя каждое помѣстье и каждый крестьянскій дворъ обязанъ отбывать въ пользу пастората; повинностей *лежащихъ на земль*, а не на лицахъ. Благодаря этой организаціи, одной изъ величайшихъ услугъ оказанныхъ краю Густавомъ-Адольфомъ, пасторъ можетъ исполнять свою обязанность духовнаго и нравственнаго учителя населенія, слѣдуя единственно чувству долга и убѣжденія, и въ этой независимости вся его сила.

Университетское образованіе, скромная но обезпеченная обстановка сельской жизни, полная нравственная и матеріальная независимость, которымъ духовенство пользовалось впродолженіи вѣковъ, выработала типъ сельскаго пастора, который составляетъ одну изъ главныхъ опоръ культуры въ краѣ. *Политическая* дѣятельность ихъ ограничивается ученіемъ взаимной любви всѣхъ классовъ, и уваженіемъ къ существующимъ законамъ, и въ этомъ смыслѣ они составляютъ дѣйствительно оплотъ помѣщиковъ, заинтересованныхъ болѣе другихъ въ соблюденіи законовъ, такъ какъ при беззаконіи теряютъ болѣе другихъ классовъ. Изъ этого конечно не слѣдуетъ, чтобы

[1]) Это право пріобрѣталось помѣщикомъ, выстроившемъ церковь и снабдившемъ ее землею.

всѣ пасторы сочувствовали всѣмъ существующимъ законамъ, и не желали бы измѣненія многаго. Напротивъ, весьма понятно, что постоянныя, близкія сношенія ихъ съ крестьянскими семьями, знакомятъ ихъ коротко съ потребностями, желаніями и тягостью крестьянской жизни и что духовенство пользуется своимъ нравственнымъ вліяніемъ на руководящіе классы, въ смыслѣ облегченія участи низшихъ классовъ. Но, за рѣдкими и печальными исключеніями, они считаютъ свой санъ не совмѣстнымъ съ возбужденіемъ сословной распри и борьбы. По этой-то причинѣ агитаторы, проповѣдующіе ненависть къ нѣмцамъ и измѣненіе существующихъ законовъ путемъ протестовъ и сопротивленія, совершенно логично стараются всячески подорвать уваженіе крестьянъ къ пасторамъ, и по возможности замѣнить ихъ личностями, готовыми содѣйствовать ихъ политическимъ цѣлямъ.

Пока право предложенія кандидатовъ находится въ рукахъ помѣщиковъ, они имѣютъ мало шансовъ измѣнить характеръ дѣятельности духовенства, и потому на право патроната нападаютъ какъ на нѣчто похожее на droit du seigneur, пасторовъ выставляютъ слугами помѣщиковъ, даже — для назиданія русской публики — измѣнниками и неблагонадежными подданными Государя!

Всего печальнѣе въ этой борьбѣ съ духовенствомъ, по самому положенію своему, не имѣющему никакой политической власти, а лишь власть нравственную, что самое движеніе младо-эстское и латышское, обязано своимъ возникновеніемъ преимущественно пасторамъ. Созданіе латышской и эстонской литературы, собраніе народныхъ сказаній и пѣсенъ, распространеніе школъ, организація сельскихъ литературныхъ и музыкальныхъ кружковъ и обществъ, первые газеты на мѣстномъ нарѣчіи, все это въ значительной мѣрѣ непосредственные плоды дѣятельности протестантскаго духовенства. И это-же духовенство обвиняется въ безъучастномъ отношеніи къ возрожденію народа, полуобразованными фанатиками, которые

хотятъ вести народъ по пути, опасности котораго они не въ состояніи оцѣнить. Люди-же стоящіе выше этихъ вожаковъ по образованію и положенію, но готовые воспользоваться ими для своихъ цѣлей, играютъ *опасную игру* и могутъ внезапно очутиться въ положеніи человѣка подкопавшаго плотину, чтобъ понизить уровень запруда и удивившагося когда разъ пущенная струя снесла все загражденіе.

Прослѣдивъ въ общихъ чертахъ сферу дѣятельности органовъ самоуправленія въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, обращаюсь къ общимъ результатамъ, которые суть слѣдствіе совокупности всего общественнаго строя. При этомъ масштабомъ сравненія должны конечно опять служить чисторусскія губерніи, такъ какъ дѣйствующими тамъ учрежденіями предполагается замѣнить существующія въ краѣ.

Мы видимъ, что государственныя повинности отбываются съ большею выгодою для Правительства (меньше недоимокъ) и съ меньшею тягостью для населенія (отсутствіе распродажъ и незаконныхъ поборовъ).

Земскія сборы ниже (вслѣдствіе безвозмездной службы и большей привычки къ экономному самоуправленію).

За меньшую сумму содержатся въ болѣе исправномъ видѣ дороги и мосты, народныя и другія школы, церкви, санитарная часть и полиція.

Перечисленные пункты касаются, за исключеніемъ школъ и церкви, матеріальной стороны жизни и, вообще говоря, удовлетворительная дѣятельность дворянскаго управленія по этой части, признается болѣе или менѣе охотно всѣми. Но за то подавленіе «нравственнаго я», въ подвластныхъ народностяхъ, составляетъ предметъ обвиненія, тяжкаго, хотя и нѣсколько неопредѣленнаго.

Не стану разбирать вопроса, желали-ли нѣмцы, особливо дворяне, подавлять это нравственное я, иными словами чувства гражданскаго и человѣческаго достоинства, или нѣтъ. Лично склоненъ думать, что въ прежнія времена часто грѣшили въ

этомъ направленіи; но утверждаю, что по ихъ ли волѣ или противъ ихъ воли, но безспорно при ихъ содѣйствіи, чувства независимости и гражданской самостоятельности сельскаго населенія не только не были подавлены, но напротивъ получили развитіе и крѣпость, которыхъ мы не видимъ въ соотвѣтственномъ сословіи великорусскихъ губерній, не смотря на неоцѣнимыя преимущества племеннаго единства между образованнымъ и необразованнымъ классами и принадлежности къ великому культурному народу.

Болѣе солидное воспитаніе гражданственности, проявляется въ несравненно лучшемъ ходѣ крестьянскаго самоуправленія; въ привычкѣ и умѣньи группироваться для какихъ-либо общихъ цѣлей; въ непреклонномъ отстаиваніи каждаго своего права и добросовѣстномъ исполненіи принятыхъ на себя обязательствъ, которое характеризуетъ сельское населеніе края.

Что крестьянское самоуправленіе идетъ лучше, чѣмъ въ большинствѣ остальныхъ губерній, мы видимъ изъ того, что классъ волостныхъ писарей, забирающихъ власть и вліяніе, не извѣстенъ; что запасные магазины всегда содержатся въ исправности и полнотѣ; что круговая порука, лежащая тягостью на лучшихъ хозяевахъ русскихъ деревень, существуетъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ только въ теоріи, и до примѣненія ея дѣло не доходитъ; что рѣшеніе общественныхъ вопросовъ сообразно съ количествомъ водки, отпускаемомъ старшинѣ, пока не въ обычаѣ. Еще болѣе наглядным доказательствомъ развитія самодѣятельности и гражданственности могутъ служить многочисленныя *крестьянскія* литературныя и сельскохозяйственныя общества, сельскія общества для многогласнаго пѣнія[1]) и сельскіе оркестры любителей; различные газеты и

---

[1]) Читатели вѣроятно помнятъ пѣвческіе праздники въ Дерптѣ, Ревелѣ, Ригѣ, гдѣ слушатели поражались не только хорошимъ исполненіемъ, но и порядкомъ, дисциплиною и благонравіемъ *тысячъ* крестьянъ, съѣхавшихся на собственный счетъ изъ разныхъ частей края.

журналы, издающіеся *исключительно для крестьянъ*, и считающіе подписчиковъ (необязательныхъ) тысячами, а читателей десятками тысячъ.

Вѣдь все это не съ неба имъ досталось, а обязаны они этими результатами примѣру и воспитанію класса, руководившаго ими въ силу общественнаго положенія и высшаго образованія. Мы не знаемъ въ исторіи примѣра народа, проложившаго себѣ путь отъ невѣжества къ цивилизаціи безъ посторонней помощи; латыши и эсты не составляютъ исключенія и, судя по результатамъ, помощь была не дурна; во всякомъ случаѣ, лучше той, которую получили литовцы и чухны въ сосѣднихъ губерніяхъ Витебской и Петербургской.

Правда финны, ближайшіе сосѣди къ сѣверу, опередили ихъ, можетъ быть потому, что ихъ учителя, шведы, лучше вели дѣло, а можетъ быть потому только, что Финляндія, благодаря географическому положенію, давно не была полемъ такихъ опустошительныхъ войнъ, какъ прибалтійскій край.

Чтобъ оцѣнить ихъ тормозящее вліяніе, вспомнимъ, что потребовалось около столѣтія, чтобы изгладить напримѣръ слѣды великаго раззоренія сѣверной войны, и довести край по числу жителей и благосостоянію, до положенія, предшествовавшаго оной.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что своего сравнительно-высокаго экономическаго и гражданскаго развитія, эсты и латыши достигли подъ вліяніемъ племени въ зависимости отъ котораго они находились, т. е. нѣмцевъ.

Тѣмъ не менѣе они нѣмцамъ не только не благодарны, но относятся къ нимъ съ недовѣріемъ, а иногда и съ явною ненавистью; не къ отдѣльнымъ личностямъ, съ которыми они въ большинствѣ случаевъ находятся въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, а ко всему классу, или вѣрнѣе племени.

Обвинять ихъ за это, объяснять такое явленіе недостаткомъ народнаго характера, было бы несправедливо и безплодно; да кромѣ того любовь и признательность никогда, ни въ

частной, ни въ народной жизни, не зависятъ отъ *величины* оказанной услуги, а зависятъ всецѣло отъ того *какъ* она была оказана. Въ этомъ отношеніи результаты прошлаго въ Остзейскомъ краѣ, далеко неудовлетворительны и составляютъ невыгодный контрастъ съ отношеніемъ русскаго дворянства къ крестьянству.

Вслѣдствіе различныхъ историческихъ причинъ, русское дворянство во времена крѣпостнаго права, вообще говоря, содѣйствовало лишь въ малой степени распространенію просвѣщенія въ народѣ, успѣху земледѣлія, развитію уваженія къ закону и вѣры въ него, привычкѣ къ правильному труду и сбереженіямъ и т. п. Отвлекаемые государственною службою, помѣщики предоставляли слишкомъ часто крестьянъ на произволъ грубыхъ управляющихъ, а если жили въ деревнѣ, то сами рѣдко трудились, и отъ другихъ многаго не требовали; если были нрава добраго, то и крестьянамъ жилось ладно, а если и своевольничали на славу, то безъ системы и согласно съ духомъ времени и народа.

Нѣмецкій же помѣщикъ относился строже къ себѣ, но и къ другимъ; самъ учился и трудился, но и другимъ не позволялъ праздничать; вообще говоря произволу не предавался, но если угнеталъ, то методично.

Вслѣдствіе этого мы видимъ, что освобожденіе крестьянъ и введеніе самоуправленія застало, какъ русское дворянство, такъ и крестьянство, не подготовленными къ самостоятельной экономической и гражданской жизни. Но зато сословнаго антагонизма, вообще говоря, не существуетъ. Русскій крестьянинъ напротивъ того, питаетъ къ настоящему дворянину-помѣщику (гдѣ онъ еще сохранился) болѣе симпатіи и довѣрія, чѣмъ къ другимъ классамъ. Остзейскіе же нѣмцы унаслѣдовали отъ предковъ много драгоцѣнныхъ благъ, хорошія традиціи честнаго труда и безкорыстнаго служенія родинѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ они унаслѣдовали также затаенныя чувства злобы питаемыя къ ихъ классу, массою кореннаго населенія,

въ которомъ преданія тяжелыхъ дней и случаевъ злоупотребленія власти дворянствомъ, въ прежнее, безконтрольное время, удерживаются дольше, чѣмъ въ сферахъ, живущихъ быстрою, интеллектуальною жизнью, и пройдутъ можетъ быть поколѣнія, пока эти чувства вполнѣ изгладятся. Для уничтоженія этихъ чувствъ нельзя удовлетвориться сознаніемъ, что прежнія ошибки соотвѣтствовали тогдашнему времени и теперь невозможны. Недовѣріе можетъ изгладиться только при продолжительной совмѣстной работѣ въ той же сферѣ дѣятельности, и потому привлеченіе крестьянъ къ болѣе широкимъ политическимъ функціямъ мнѣ кажется необходимымъ, хотя бы они по образованію и подготовкѣ были бы на это способны менѣе помѣщиковъ. Безспорно самоуправленіе будетъ сначала дѣйствовать хуже и обойдется дороже; но если перемѣна произойдетъ постепенно, безъ ломки учрежденій и перерыва традицій, то нравственная польза для всѣхъ классовъ края вполнѣ вознаградитъ матеріальныя потери.

Разсмотрѣвъ въ главныхъ чертахъ хорошія и дурныя стороны общественнаго устройства Прибалтійскихъ губерній, я имѣлъ въ виду исключительно вопросъ о пользѣ или вредѣ приносимыхъ ими краю. Но есть лица, не признающія этой точки зрѣнія, требующія уничтоженія самобытности, независимо отъ того, выиграетъ ли отъ этого край или нѣтъ, такъ какъ главная цѣль ихъ состоитъ въ болѣе тѣсномъ сліяніи съ Россіей окраины, обвиняемой въ сепаратистическихъ стремленіяхъ.

Постараюсь объясниться и съ ними, но для этого необходимо предварительно условиться въ выраженіяхъ и опредѣлить точнѣе значеніе термина «сепаратизмъ».

Если подъ этимъ словомъ подразумѣвается желаніе отдѣлиться отъ Россійскаго государства, хотя бы въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, то его слѣдуетъ признать гнусною, ничѣмъ не оправдываемою клеветою. Со времени счастливаго для края и полезнаго для Россіи, присоединенія

Прибалтійскаго побережья съ его портами, къ громадному по естественнымъ богатствамъ и внутренней силѣ сосѣдному государству, не было ни одного слова или дѣйствія со стороны лицъ или сословій, которое давало бы малѣйшій поводъ, а потому и право, усумниться въ преданности отечеству и главѣ его, государю Россіи.

Не мало было конечно уроженцевъ этихъ губерній, не доставившихъ чести ни ихъ имени, ни родинѣ. Но небыло ни одного, который обезчестился бы измѣной.

Если нѣтъ ни единаго, малѣйшаго внѣшняго признака такихъ стремленій, то какія же внутреннія причины дѣлаютъ ихъ вѣроятными?

Чувство вѣрности (Treue) и сила традиціи, географическое положеніе, очевидный интересъ именно интеллигентныхъ классовъ по возможности сблизиться съ Россіей[1]), все это говоритъ противъ отрѣшенія отъ государства, съ которымъ сыны Прибалтійскаго края впродолженіе почти двухъ столѣтій раздѣляли и горе, и славу.

Даже самый узкій эгоизмъ противорѣчилъ бы такимъ идеямъ. Личныя сравненія убѣждаютъ остзейцевъ въ томъ, что по экономическому и гражданскому развитію, ихъ родина занимаетъ почетное мѣсто въ средѣ губерній Россіи. Избытокъ производительныхъ силъ находитъ обширное и благодарное поле дѣятельности въ странѣ, обладающей обширными естественными богатствами, но сравнительно бѣдной тѣмъ элементомъ, безъ котораго эти богатства безплодны, т. е. людьми, соединяющими умѣнье и любовь къ труду, съ знаніемъ своего дѣла.

Въ Германіи (въ тяготѣніи къ ней и обвиняются остзейцы) напротивъ, Прибалтійскій край составлялъ бы сравнительно отсталую въ экономическомъ отношеніи часть. Это государство соединяетъ сравнительную бѣдность, съ быстро наростающимъ населеніемъ, въ которомъ классы, живущіе преимущественно

---

[1]) Сблизиться не значитъ сравняться.

умственнымъ трудомъ составляютъ избытокъ, ищущій себѣ мѣста во всѣхъ странахъ свѣта.

Эти очевидныя истины конечно не составляютъ тайны для лицъ, заинтересованныхъ въ вѣрномъ ихъ пониманіи благосостояніемъ своимъ и своихъ потомковъ.

Если же подъ словомъ сепаратизмъ подразумѣвается не государственная измѣна, а пламенное желаніе сохранить самобытность, языкъ, религію, то въ такомъ сепаратизмѣ виновны многіе, и не худшіе изъ нѣмецкихъ гражданъ Прибалтійскаго края. Но они увѣрены, что такой сепаратизмъ не противорѣчитъ, а вполнѣ *соотвѣтствуетъ* государственнымъ интересамъ; они увѣрены, что стремленіе вводить одни и тѣже учрежденія, касающіеся вопросовъ чисто мѣстныхъ, во всѣхъ разнородныхъ частяхъ огромнаго государства, должно повести не къ сплоченію, а къ *подрыву* его единства, потому что по существу дѣла, тѣже мѣстныя учрежденія не могутъ соотвѣтствовать интересамъ и условіямъ частей, разнородныхъ по экономическому и гражданскому строю и состоянію.

Кромѣ того, всякая мѣстная умственная жизнь должна заглохнуть при такомъ жалкомъ, безплодномъ, единообразіи. Если предположить на примѣръ, что вновь вырабатываемый коммисіей проектъ земскихъ учрежденій, будетъ верхъ совершенства, т. е. будетъ вполнѣ соотвѣтствовать потребностямъ нынѣшняго времени въ большинствѣ губерній Россіи, то изъ этого самаго слѣдуетъ, что онъ будетъ несообразнымъ для другихъ. И вѣдь мѣстныя условія такаго государства какъ Россія, мѣняются не въ одинаковомъ направленіи и не въ одинаковой степени; та часть Россіи, которая раньше другихъ выросла изъ этой рамки, должна ли она дожидаться частныхъ реформъ оказавшихся необходимыми, пока остальныя доростутъ, или же реформа должна быть произведена и въ тѣхъ частяхъ, которыя въ ней не нуждаются, а нуждаются можетъ быть въ иныхъ? И все это ради единообразія, воздвигаемаго въ государственный принципъ въ Россіи, въ составъ которой входятъ земли отъ Колы до Арме-

ніи и отъ береговъ Балтійскаго, до береговъ Японскаго моря! Этотъ мертвящій принципъ, ужаснѣйшій продуктъ бюрократизма, долженъ повести къ *полному внутреннему разслабленію* Россіи; коль скоро земскія учрежденія дѣйствительно привьются въ Россіи, т. е. привлекутъ къ себѣ независимые въ умственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ элементы, то полная зависимость отъ Петербургскихъ канцелярій, въ смыслѣ инціативы и обсужденія *мѣстныхъ* законовъ, скоро окажется невыносимою. Результатъ можетъ быть двоякій: или интеллигентные элементы будутъ избѣгать провинціальную жизнь и по прежнему стремиться въ различныя канцеляріи и комитеты, — въ такомъ случаѣ связь между дѣйствительною жизнью и образованнымъ классомъ не возстановится въ Россіи; или же эти дѣятели будутъ тяготиться положеніемъ, недающимъ исхода и примѣненія ихъ силамъ, и чувства недовольства, апатіи и безднадежности, характеризующія наше молодое, свѣжее общество будутъ увеличиваться, а не уменьшаться.

Какъ ни просты эти истины, но онѣ слишкомъ мало у насъ сознаются, потому что мѣстною жизнью, этимъ единственнымъ источникомъ здравой гражданственности, у насъ еще не жили, и что не мало у насъ лицъ, даже образованныхъ, которыя вѣрятъ въ возможность учрежденій абсолютно хорошихъ, независимо отъ времени и мѣста. Единственный чисто русскій край, сохранившій исторически сложившуюся форму самоуправленія, — Земля Войска Донскаго, также оказался виновнымъ въ сепаратизмѣ, когда его хотѣли осчастливить замѣною «отжившихъ формъ», земскими учрежденіями, которыя представляли не реформу, а ломку существовавшаго порядка вещей, вошедшаго въ общественное сознаніе населенія. Чего добраго и ихъ будутъ обвинять въ желаніи отдѣлиться отъ Россіи, и создать сѣчь казачью.

Примѣръ другихъ государствъ вполнѣ подтверждаетъ высказанный взглядъ. Удивились бы на примѣръ Шотландцы или жители острова Мап, еслибы у нихъ стали вводить порядокъ мѣст-

наго самоуправленія, дѣйствующій въ какомъ нибудь англійскомъ графствѣ потому только, что это обезпечитъ ихъ болѣе тѣсную связь съ государствомъ; или граждане Женевы или Ури, которымъ предложили бы принять мѣстныя учрежденія Берна, во избѣжаніе распаденія союза. Если Шотландія составляетъ нераздѣльную, органическую часть Великобританіи, то не потому что ея мѣстныя учрежденія сравнены съ Англійскими, а напротивъ потому, что каждая часть Шотландіи, каждый городъ ея, также какъ и въ самой Англіи, могутъ жить и развиваться по своему, и никому въ голову не приходитъ, переименовать на пр. Лорда-Провоста Глазго, въ Лордъ-Мэйера и дать ему права и обязанности перваго магистрата столицы Англіи во имя государственнаго единства.

Нормандскіе острова, по географическому положенію, происхожденію и языку населенія, составляютъ часть Франціи; тѣмъ не менѣе жители чувствуютъ полную солидарность съ Великобританіей, благодаря тому, что мѣстныя особенности сохранены и не нарушаются. Въ Ирландіи же напротивъ, насильственное введеніе Англійскихъ учрежденій послѣ подавленія возстанія, служило непреодолимымъ препятствіемъ къ ихъ внутреннему сліянію, и силою вещей, *ради сохраненія единства*, пришлось уже устранить многія изъ этихъ учрежденій, а за ними послѣдуютъ и остальныя.

Тотъ же примѣръ Ирландіи доказываетъ, насколько единство языка можетъ служить порукою политической благонадежности, тогда какъ напр. въ Уэльсѣ, вы встрѣчаете тысячи людей нисшихъ классовъ не понимающихъ ни слова по англійски, хотя жители этого княжества болѣе 500 лѣтъ принадлежатъ къ самымъ вѣрнымъ подданнымъ королевства. Жители Нижняго-Эльзаса, большинство которыхъ говоритъ по нѣмецки, были тѣмъ не менѣе всею душою преданы Франціи, съ которою ихъ связывали великія историческія воспоминанія и матеріальный интересъ.

Изъ этого конечно не слѣдуетъ, чтобы знаніе государственнаго языка не было бы крайне полезно и желательно для всѣхъ

гражданъ государства, къ какой бы національности они не принадлежали. Оно хотя не обезпечиваетъ политическаго единенія, но содѣйствуетъ культурному сближенію, облегчая для всѣхъ сторонъ обмѣнъ мыслей и понятій. Въ примѣненіи къ Прибалтійскимъ губерніямъ, главная польза для жителей края отъ большаго разпространенія знанія русскаго языка, будетъ состоять въ томъ, что оно значительно облегчитъ имъ конкуренцію съ ихъ соотечественниками великорусскаго племени; смѣшные германизмы и несносное для уха произношеніе русскаго языка, часто забавляютъ слушателя, но составляютъ ужасную помѣху, а иногда и несчастіе человѣка, котораго рѣчь страдаетъ этими недостатками. Для Россіи же польза будетъ также несомнѣнна, такъ какъ привлечетъ много культурныхъ элементовъ, которые, по незнанію русскаго языка, теперь остаются на родинѣ или даже ищутъ болѣе широкое поле дѣятельности въ Германіи. Число дѣльныхъ ученыхъ, врачей, учителей, музыкантовъ, техниковъ, купцовъ, ремесленниковъ и мастеровыхъ, въ которыхъ чувствуется въ Россіи такой недостатокъ, значительно возрастетъ; словомъ увеличится число такъ называемыхъ «культуртрегеровъ», несомнѣнныя цивилизаторскія услуги которыхъ думаютъ умалить незвучнымъ названіемъ.

Поэтому въ интересахъ жителей края и Россіи, необходимо принять всѣ разумныя мѣры, способныя содѣйствовать успѣшному и охотному изученію русскаго языка. Лучшія мѣры, — это хорошіе учителя, воинская повинность и желѣзныя дороги, которыя можно вообще признать самыми мощными унификаторами. Всѣ же мѣры съ принудительнымъ, политическимъ характеромъ, ведутъ къ результату прямо противоположному: — съ представленіемъ о русскомъ языкѣ, связывается въ дѣтствѣ воспоминаніе о страданіяхъ, а въ зрѣломъ возрастѣ представленіе о нравственномъ угнетеніи, обидѣ и несправедливости.

Остзейскихъ нѣмцевъ обиняютъ въ неуваженіи и нелюбви къ Россіи и ко всему русскому. Первое обвиненіе нелѣпо, потому что они въ той же мѣрѣ причастны къ славѣ, могуществу и бла-

годенствію Россіи, какъ кровные москвичи. Славѣ и могуществу они стараются содѣйствовать по мѣрѣ силъ и возможности, увеличивая народное богатство, военныя и умственныя силы націи; мнѣніе же ихъ о путяхъ къ благоденствію Россіи, вѣроятно во многомъ не сходится съ мнѣніемъ москвичей, но развѣ изъ этого слѣдуетъ, чтобы оно было ложно, или даже преступно?

Плохую услугу оказываютъ единству и внѣшней силѣ Россіи, тѣ квасные патріоты, которые почему-то воображаютъ и проповѣдуютъ, что нельзя быть хорошимъ гражданиномъ Россіи, не принадлежа къ великорусскому племени и къ православной церкви. Не говоря о совершенной исторической неосновательности такого ученія, оно можетъ имѣть весьма серьёзныя практическія послѣдствія: тѣ милліоны вѣрныхъ подданныхъ Русскаго царя, которые не обладаютъ требуемымъ происхожденіемъ и не воспитаны въ православіи, ставятся передъ необходимостью выбирать одно изъ двухъ золъ: или отказаться отъ своего происхожденія, или же отъ чувства нравственной связи съ отечествомъ. Смѣю увѣрить, что большинство остзейцевъ не желаетъ ни того, ни другаго; къ счастію необходимость выбора устраняется тѣмъ обстоятельствомъ, что пока еще отъ гражданина Россіи требуются лишь вѣрноподданническія чувства къ главѣ государства, уваженіе къ закону и готовность жертвовать жизнью и имуществомъ на благо и славу отечества, когда обстоятельства и воля государя дѣлаютъ такую жертву необходимою. Всѣмъ этимъ требованіямъ остзейскіе нѣмцы всегда удовлетворяли и будутъ удовлетворять въ полной мѣрѣ, не на словахъ только, но и на дѣлѣ.

Что касается до нерасположенія ко всему русскому, то это обвиненіе совсѣмъ инаго рода и его надо прецизировать.

Несомнѣнно, что громадное большинство нѣмецкихъ жителей Прибалтійскихъ губерній отдаетъ предпочтеніе нѣмецкой культурѣ передъ русской т. е. предпочитаетъ почерпать свои идеалы, понятія, свѣдѣнія изъ нѣмецкой литературы, говорить на родномъ языкѣ, словомъ чувствуетъ свою духовную связь съ пле-

менемъ, къ которому принадлежитъ. Спорить о томъ, которая культура по роду своему лучше, было бы нелѣпо; но очевидно что нѣмецкое міровоззрѣніе должно болѣе соотвѣтствовать нравамъ, характеру, темпераменту и вкусу лицъ, на немъ выросшихъ. Но предпочитая одно, можно отдавать должное другому и къ сожалѣнію мы встрѣчаемъ нерѣдко въ средѣ нѣмцевъ такія же проявленія самомнѣнія и несправедливыхъ сужденій, какъ и въ средѣ славяноФиловъ. Который изъ этихъ видовъ нетерпимости имѣетъ болѣе основанія, вопросъ посторонній: мнѣ кажется, что «оба хуже». Происхожденіе этого недуга въ обоихъ случаяхъ одинаково: преобладаніе страсти надъ разсудкомъ и недостаточное знакомство съ презираемымъ предметомъ; излеченіе недуга одно: усмиреніе страсти и болѣе близкое знакомство съ предметомъ.

Смѣшны и жалки тѣ русскіе патріоты, которые думаютъ вселить любовь и уваженіе къ своей національности бранью, клеветой, обидой, которою они надѣляютъ своихъ соотечественниковъ нѣмецкой рассы; они забываютъ, что численное превосходство и матеріальная сила, даютъ права, но возлагаютъ и обязанности.

Не выше ихъ стоятъ и тѣ остзейцы которые съ провинціальнымъ самодовольствомъ, не даютъ себѣ даже труда познакомиться ближе съ великимъ народомъ, имѣющимъ преобладающее значеніе въ государствѣ, малую часть котораго составляетъ ихъ родина, и судятъ о немъ по тѣмъ представителямъ грамотнаго варварства, которые впродолженіи почти двадцати лѣтъ забавляются травлею на все то что ими цѣнится: самобытность, языкъ, религію.

Къ счастію для края, въ средѣ нѣмецкаго населенія есть элементъ, который служитъ противоядіемъ озлобляющему дѣйствію печати и дѣятелей извѣстнаго оттѣнка; это тѣ балтійскіе нѣмцы, которыхъ дѣятельность сблизила ихъ съ русскимъ народомъ во всѣхъ его классахъ, которымъ привелось жить съ нимъ, узнать его, а потому и полюбить.

Они изъ личнаго опыта знаютъ, сколько здраваго смысла,

свѣтлаго ума, истинной сердечной гуманности и терпимости, кроется въ русскомъ человѣкѣ, не зараженномъ фанатизмомъ, и что презрѣніе и ненависть къ ихъ соотечественникамъ нѣмецкаго происхожденія, проповѣдуемыя въ печати и литературѣ извѣстнаго направленія, не успѣли пустить достаточно глубокіе корни, чтобъ отразиться на личныхъ отношеніяхъ, и что остзейецъ, лично достойный уваженія, пользуется имъ въ той-же мѣрѣ, какъ и полнокровный русскій, хотя бы онъ вполнѣ сохранилъ свои національныя особенности и привязанность къ родинѣ.

Но чтобы узнать это, надо выѣхать изъ Прибалтійскихъ губерній: большинство проявленій русской жизни, которыя непосредственно достигаютъ нѣмцевъ живущихъ въ краѣ, могутъ только вселить презрѣніе, ненависть и отвращеніе къ русскому обществу. Въ этомъ отношеніи особенно жалкую роль играетъ большинство ежедневной печати: читая подлыя и наглыя клеветы ею распространяемыя, тенденціозное извращеніе каждаго факта, краснѣешь за общество, котораго чувство справедливости и приличія, не возмущается такою умственною пищею. Чтобъ оцѣнить впечатлѣніе, производимое этимъ систематическимъ преслѣдованіемъ со стороны прессы, надо испытать его на самомъ себѣ. Нѣтъ учрежденія, нѣтъ общественнаго явленія въ краѣ, которое не подвергалось-бы систематическому поруганію и клеветѣ. Мѣстныя газеты опровергаютъ, объясняютъ, протестуютъ — русскіе органы печати (за малыми исключеніями), не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на эти опроверженія. Судя по дѣйствіямъ, ихъ цѣль состоитъ не въ разъясненіи истины, а въ уничтоженіи самобытности края, — проявляется-ли она въ фактахъ дѣйствительно достойныхъ порицанія, или нѣтъ. Не вдаваясь въ оцѣнку вліянія такой тенденціозности на Русское общество, которое вообще говоря не имѣетъ другихъ данныхъ, чтобы судить о краѣ, могу однако сказать по личному опыту и по заявленіямъ другихъ, что озлобляющее дѣйствіе на нѣмецкую часть населенія края,

весьма велико. Приноситъ-ли оно пользу или вредъ русскому дѣлу, предоставляю судить читателю.

При этомъ надо имѣть въ виду, что дѣло идетъ не о какихъ-либо мятежникахъ или злодѣяхъ, которыхъ для блага государства надо подавить или искоренить, но о населеніи мирномъ, спокойномъ, внѣшнія формы и характеръ котораго могутъ быть несимпатичны многимъ русскимъ, но трудолюбіе, энергія и сравнительно высокій уровень образованія котораго, дѣлаетъ ихъ безспорно полезными гражданами государства, въ составъ котораго входитъ ихъ родина. Къ тому-же, они не пришельцы, не гости, а у себя дома, въ силу того факта, что ихъ предки поселились въ краѣ за долго до присоединенія его къ Россіи.

Они подданные Русскаго царя, а не каждаго русскаго, который, заѣхавъ въ край по служебнымъ или частнымъ дѣламъ, нерѣдко воображаетъ, что не онъ «въ чужой монастырь» пріѣхалъ, въ которомъ дѣйствуетъ особый уставъ, государемъ утвержденный, а что напротивъ, жители края должны соображаться съ его понятіями и вкусами, а не съ существующими законами, которые онъ находитъ нелѣпыми, а потому не признаетъ.

Видитъ напримѣръ такой дѣятель, что пожарная команда, состоящая изъ добровольныхъ членовъ нѣмецкаго происхожденія, маневрируетъ по командным словамъ произносимымъ на родномъ языкѣ членовъ этого полезнаго общества — и его патріотическое сердце возмущается, онъ пишетъ доносъ объ измѣнѣ въ редакцію одной изъ большихъ столичныхъ газетъ, которая его печатаетъ!

Замѣчаетъ онъ, что бывшіе дерптскіе студенты по гробъ свой стараются сохранить связь съ университетомъ, которому обязаны своимъ образованіемъ, и съ корпораціей, сформировавшей ихъ характеръ; онъ и здѣсь чуетъ измѣну. Вѣдь въ Дерптѣ занимаются только пошлостями, да питьемъ пива, потому невѣроятно чтобы посѣдѣвшіе старцы могли сочувство-

вать такому учрежденію; тутъ что-то неладно, и подъ маской студенческаго товарищества, навѣрное кроется все та же балтійская интрига. Ему и въ голову не приходитъ поставить вопросъ проще, и сказать себѣ что должно быть въ дерптскомъ университетѣ и его корпораціяхъ, кроется нравственная сила, съ которою онъ не знакомъ, и что неизмѣнная привязанность питомцевъ къ учрежденіямъ ихъ воспитавшимъ, дѣлаетъ честь и тѣмъ и другимъ.

Приходитъ такой патріотъ въ любое мѣстное общественное учрежденіе, и удивляется, что должностное лицо, къ которому онъ обращается, съ трудомъ изъясняется на нарѣчіи, которое ему, патріоту, знакомо съ дѣтства. Да въ Россіи ли я, спрашиваетъ онъ съ негодованіемъ! Да, въ Россіи, въ предѣлахъ государства, въ составъ котораго входятъ племена, говорящія на сотнѣ различныхъ языковъ и нарѣчій.

Заключаетъ онъ контрактъ или договоръ, не справившись о подлежащихъ мѣстныхъ законахъ, и удивляется впослѣдствіи, что мѣстное гражданское право, составляющее часть Свода Законовъ Россійской Имперіи, существенно отличается отъ гражданскаго права коренныхъ русскихъ губерній.

Избираютъ его гласнымъ въ думу въ Ревелѣ или Ригѣ; и тутъ онъ обижается, что пренія происходятъ на томъ языкѣ, которымъ фактически владѣетъ *каждый* постоянный обыватель этого города, а не на томъ, который составляетъ родной языкъ жителей Москвы или Тулы, но котораго къ сожалѣнію знаютъ сравнительно немногіе граждане Риги или Ревеля.

Вы ему объясняете, что все это вполнѣ естественно, имѣетъ самыя несомнѣнныя основанія, фактическія, историческія и юридическія; что гражданское право должно удовлетворять фактическимъ условіямъ, нравамъ и привычкамъ населенія, которое имъ пользуется; что мѣстныя учрежденія существуютъ не для обученія государственному языку, а для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ; онъ продолжаетъ настаивать на оскорбленіи первенствующаго въ государствѣ народа. Вы

ему скажете, что это первенство не оспаривается, что во всѣхъ общегосударственныхъ учрежденіяхъ Россіи, въ войскѣ, Министерствахъ и т. д. другой языкъ кромѣ русскаго не допускается и не долженъ допускаться, что уроженецъ чисторусскихъ губерній имѣетъ немаловажное преимущество, пользоваться исключительно своимъ роднымъ языкомъ, какъ на государственной службѣ, такъ и на огромномъ пространствѣ, обитаемомъ его соплеменниками; что если онъ любитель единообразія мѣстныхъ учрежденій, то картина представляемая 34-мя губерніями, достаточна для удовлетворенія его вкуса; что нельзя-же быть уже слишкомъ требовательнымъ въ этомъ отношеніи, и что вопросъ, представляющій для него лишь временной, и то болѣе теоретическій интересъ, касается самыхъ насущныхъ и важныхъ интересовъ его соотечественниковъ, непринадлежащихъ къ народу, говорящему на государственномъ языкѣ.

Часто всѣ подобные доводы оказываются безсильными побороть предвзятыя идеи, особенно когда имѣете дѣло съ человѣкомъ, чувствующимъ «историческое призваніе» внести въ отсталую окраину болѣе современныя понятія, практическое примѣненіе которыхъ испытывается въ настоящее время въ Россіи.

Но къ счастію немалочисленны и тѣ русскіе, живущіе въ краѣ болѣе или менѣе долгое время, которые, благодаря воспитанію, болѣе глубокому образованію, или просто здравому смыслу не омраченному фанатизмомъ, привыкли смотрѣть объективно на окружающія ихъ явленія, и изъ нихъ уже выводить заключенія, а не подъискивать явленія въ доказательство предвзятой мысли[1]).

Эти лица знаютъ, что если не оскорблять нѣмецкихъ жи-

---

[1]) Прекрасный примѣръ дружественныхъ отношеній коренныхъ русскихъ ко всѣмъ классамъ населенія, представляли старообрядцы поселившіеся въ краѣ еще до присоединенія его къ Россіи.

телей, разыгриваніемъ роли повелителя въ завоеванномъ краѣ (повелителемъ тамъ признается только Государь), то и они не обидятъ; что если Остзейцы отстаиваютъ нѣкоторыя учрежденія, то потому, что привязаны къ нимъ, и убѣждены въ ихъ жизненности, и способности рости и измѣняться сообразно съ потребностями времени, не вырывая ихъ съ корнями; что если открещиваются отъ насильственной руссификаціи, то не потому, что не желалибы выучиться русскому языку, который для нихъ такъ важенъ и полезенъ, а потому что дѣло, требующее времени и терпѣнія, хотятъ достигнуть насиліемъ; если отстаиваютъ свои школы и церковь, то потому что въ нихъ видятъ великій источникъ нравственной и умственной силы.

Такого рода терпимость конечно вполнѣ совмѣстима съ самостоятельностью мнѣній и критическимъ отношеніемъ къ окружающимъ явленіямъ, представляющимъ, какъ все на свѣтѣ, свои слабыя и хорошія стороны. При такомъ объективномъ отношеніи къ дѣлу, образованный наблюдатель, интересующійся общественными дѣлами, на примѣръ самоуправленіемъ, будетъ не сердиться, а учиться, не съ цѣлью подражать формамъ, а съ цѣлью дать себѣ отвѣтъ на весьма важный вопросъ: какимъ образомъ воспользоваться въ Россіи, вступающей на путь мѣстной самодѣятельности, вѣковымъ опытомъ края; какъ избѣгнуть ошибокъ и примѣнить хорошія стороны, имѣя въ виду совершенно иное прошлое, и иныя общественныя условія?

Онъ постарается выдѣлить существенное отъ несущественнаго, полезное отъ вреднаго. Если онъ человѣкъ поверхностный, ему этотъ трудъ покажется легкимъ; если-же онъ серьёзно отнесется къ вопросу, то найдетъ задачу сложною и убѣдится, что недостаточно сказать: я не признаю мѣстныхъ особенностей, чтобы онѣ уничтожились.

Такого рода постановка вопроса подавно необходима для государственнаго дѣятеля, желающаго проводить реформы въ

самомъ краѣ, такъ какъ только этимъ путемъ можно встрѣтить поддержку со стороны живыхъ силъ мѣстной интеллигенціи, безъ содѣйствія которой можно *разрушить* все что угодно, но нельзя *создать* ничего жизненнаго.

Вообще, всѣ которымъ дорого дѣйствительное развитіе и процвѣтаніе самоуправленія, въ какихъ бы формахъ оно не выражалось, должны стремиться къ тому, чтобы привлечь къ общественнымъ дѣламъ лучшія мѣстныя силы. Безъ этого успѣхъ не возможенъ.

Я понимаю здѣсь слово «лучшія силы» не въ смыслѣ принадлежности къ какой-либо партіи, національности, сословію, а въ смыслѣ болѣе высокаго образованія, честности, независимости, какъ нравственной, такъ и матеріальной, словомъ я разумѣю тѣхъ лицъ, которыя были бы готовы и способны жертвовать личными удобствами, спокойствіемъ и интересами, на пользу того общества, которому призваны служить; лицъ, готовыхъ нести то *тяжелое бремя*, которое связано съ великимъ правомъ самоуправленія, суть котораго заключается не въ проведеніи великихъ идей, а въ каждодневномъ, добросовѣстномъ отправленіи обязанностей, весьма важныхъ, но не всегда привлекательныхъ.

Исправленіе дорогъ, санитарныя мѣры, школа, полиція, собираніе и распредѣленіе налоговъ, содѣйствіе хлѣбопашеству и скотоводству, устройство земельнаго кредита, на началахъ соотвѣтствующихъ условіямъ даннаго времени, мѣста и класса людей, — все это не такъ легко и не такъ пріятно, какъ произнесеніе громкихъ рѣчей и составленіе отвлеченныхъ проектовъ; а въ этой дѣятельности и кроется вся практическая задача самоуправленія. Задача повидимому скромная, а въ сущности, имѣющая самое важное государственное значеніе; отъ ея хорошаго выполненія зависитъ истинное процвѣтаніе и прогрессъ общества, на ней вырабатывается привычка обсуждать общественные вопросы самостоятельно, т. е. на основаніи дѣйствительнаго знакомства съ ними а не на осно-

ваніи вычитанныхъ представленій. Эта школа развиваетъ самодѣятельность и *истинный патріотизмъ*, который проявляется въ готовности подчинять личные интересы общественнымъ.

Такой патріотизмъ можно назвать хроническимъ, въ противоположность съ острымъ видомъ этого чувства, который готовъ къ моментальнымъ величайшимъ жертвамъ, но не выдерживаетъ практическаго испытанія ежедневной жизни.

Этотъ послѣдній видъ патріотизма, великій источникъ силы въ минуты государственнаго кризиса и опасности, особенно внѣшней.

Вся исторія Россіи доказываетъ, что въ такомъ патріотизмѣ недостатка въ ней нѣтъ, и что въ этомъ отношеніи она можетъ съ честью выдержать сравненіе съ любымъ великимъ народомъ новыхъ и древнихъ временъ. Но въ мирныя времена внутренняго развитія, *такой* патріотизмъ является не только безполезнымъ, но даже *вреднымъ* чуствомъ: тутъ нужно объективное отношеніе къ вопросамъ дня, а онъ по существу своему страстенъ; нужна терпимость, а онъ основанъ на исключительности; нужно хладнокровіе и терпѣніе, а онъ пылокъ.

Кто ближе приглядѣлся къ характеру нѣкоторыхъ общественныхъ и народныхъ учрежденій въ Россіи, успѣвшихъ пустить корни и вселить, хотя бы на время, вѣру въ ихъ прочность, тотъ не могъ не вынести убѣжденія, что отсутствіе качествъ, необходимыхъ для успѣшной гражданской жизни (особенно въ высшемъ классѣ), зависитъ не отъ племенныхъ особенностей русской жизни, а отъ историческихъ причинъ. Вырабатываются эти качества не скоро и должны пройти поколѣнія, выросшія при благопріятныхъ условіяхъ, пока наша земская жизнь приметъ иной характеръ, пока на примѣръ занятіе сельскимъ хозяйствомъ и темными земскими дѣлами, будутъ считать великими задачами, достойными вполнѣ образованнаго человѣка — а не временнымъ отдохновеніемъ отъ треволненій свѣта, не достояніемъ людей потерпѣвшихъ крушеніе на морѣ житейскомъ или же фантазіей увлекающихся юношей, скоро отрезвляемыхъ дѣйствительностью.

Разладъ между нашимъ образованнымъ классомъ и массою народа, зависитъ не отъ того, что мы понѣмецки одѣваемся, да иноземныя книжки читаемъ — безъ поученія иностранцевъ еще ни одинъ народъ самостоятельной культуры не выработалъ, а если переставалъ учиться, то неминуемо падалъ; разладъ происходитъ отъ того, что громадное большинство нашего образованнаго класса живетъ въ канцеляріяхъ и въ гостинныхъ, а не въ деревнѣ, *не работаетъ съ народомъ*, поэтому само не имѣетъ случая провѣрить свои теоретическія взгляды на дѣлѣ и измѣнять ихъ сообразно личному опыту, а массу народа лишаетъ *самаго важнаго элемента умственнаго и экономическаго прогресса:* — ежедневнаго, постояннаго примѣра и нравственнаго руководства людей, стоящихъ выше сферы предразсудковъ и рутины, но не внѣ круга ея.

Привлечь образованный классъ къ этой цивилизаторской его миссіи нелегко; оттолкнуть его легче. Въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, вслѣдствіе историческихъ причинъ, занятія сельскимъ хозяйствомъ и мѣстною общественною дѣятельностью считаются задачами жизни, вполнѣ достойными независимаго человѣка; это составляетъ завѣтную мечту каждаго остзейца.

Матеріальныя жертвы, сопряженныя съ общественною службою, вознаграждаются бо́льшею цѣнностью и доходностью земли, вслѣдствіе мѣстнаго благоустройства. Нравственныя и умственныя жертвы, сопряженныя для образованнаго человѣка, съ жизнью въ деревнѣ, вознаграждаются чувствомъ независимости, высокимъ общественнымъ положеніемъ и наконецъ сознаніемъ полезнаго примѣненія свѣдѣній и понятій, выработанныхъ обще-европейскою цивилизаціей. Отнимите одно изъ этихъ условій, — и остзейскіе помѣщики будутъ также, какъ и помѣщики остальной Россіи, продавать лѣса на срубъ, а поля на истощеніе, замѣнивъ ихъ акціями и облигаціями, дающими бо́льшій процентъ за меньшій трудъ; предпочтутъ путешествовать заграницей или жить въ Петербургѣ на жалованьѣ, восхищаться произведеніями искуствъ и развлеченіями образо-

ваннаго общества, вмѣсто того, чтобы оставаясь въ деревенской глуши, отрѣшиться отъ всего этого и имѣть дѣло съ крестьянами и рабочими.

Выиграетъ-ли отъ этого государство, выиграетъ-ли край, выиграютъ-ли крестьяне и рабочіе?

Я полагаю, что всякій безпристрастный человѣкъ, признающій пользу просвѣщенія, долженъ отвѣтить отрицательно на эти вопросы, и согласится съ тѣмъ, что реформы, уничтожающія мѣстное вліяніе помѣщиковъ, будутъ вредны для края, потому что будутъ имѣть неизбѣжнымъ послѣдствіемъ постепенное удаленіе класса образованныхъ людей, смотрящихъ на помѣстье не какъ на простую доходную статью, и тратящихъ свои умственныя силы и матеріальныя средства тамъ, гдѣ онѣ наиболѣе нужны, *у самаго корня народнаго богатства Россіи*, въ сельской жизни.

Конечно, это вліяніе надо контролировать и регулировать такъ, чтобы оно не могло противорѣчить нравственнымъ и матеріальнымъ интересамъ другихъ частей населенія. Безъ такой внѣшней контролирующей силы и безъ воздѣйствія другихъ классовъ, можетъ выработаться узко-сословный духъ, злоупотребленіе власти.

Въ этомъ отношеніи вліяніе правительственныхъ органовъ, стоящихъ внѣ сословныхъ интересовъ, и привлеченіе другихъ общественныхъ слоевъ къ политической дѣятельности, составляютъ необходимыя противовѣсы эгоизму и односторонности.

Реформы, ведущія къ этой цѣли не разрывая органической связи съ прошедшимъ, встрѣтятъ сочуственную поддержку со стороны многихъ элементовъ образованнаго класса въ средѣ дворянства и внѣ его. Онѣ уничтожатъ многія дурныя послѣдствія исключительнаго вліянія дворянства, не нарушивъ хорошихъ преданій и зачатковъ общественной жизни, выработанныхъ при прежнемъ порядкѣ вещей.

При нормальныхъ условіяхъ вліяніе русскаго общества на ходъ провинціальной жизни, должно и можетъ быть значитель-

нымъ и благотворнымъ, предохраняя отъ мелочности, замкнутости и излишняго самомнѣнія группы людей, вращающихся въ сравнительно узкихъ рамкахъ мѣстной жизни. Нравственный контроль печати, можетъ быть не менѣе важенъ матеріальнаго контроля органовъ правительства, заставляя каждаго общественнаго дѣятеля остерегаться не только противозаконныхъ, но и предосудительныхъ дѣйствій. Но это вліяніе и этотъ контроль возможны только при условіи безпристрастнаго, правдиваго и честнаго отношенія къ дѣлу.

Осуждая огульно, не признавая хорошимъ то, что безспорно хорошо, нельзя расчитывать, чтобы хула умѣстная имѣла цѣну и значеніе. Чтобы различить, что хорошо, что дурно, надо познакомиться съ вопросомъ, а для этого надо выслушивать обѣ стороны — обвинителя и обвиняемаго. Audiatur et altera pars!

Ф. В.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Сообщаемыя ниже числа основаны исключительно на точныхъ офиціальныхъ данныхъ. Они частью заимствованы изъ публикацій мѣстныхъ статистическихъ комитетовъ, частью извлечены изъ гипотечныхъ книгъ и другихъ дѣлъ подлежащихъ учрежденій.

A. Пользованіе землей.

1) *Лифляндская Губернія.*

Поверхность всей губерніи 3,602,247 десятинъ, а именно:

Усадьбы и пашни.	Луга и сѣнокосы.	Выгоны.	Лѣсъ.	Болота и неудобныя земли.
558,682 дес.	638,986 дес.	459,823 дес.	1,056,957 дес.	887,800 дес.

или въ процентахъ:

$15_{,51}$ %	$17_{,74}$ %	$12_{,76}$ %	$29_{,34}$ %	$24_{,65}$ %

Изъ этого числа

на мызной землѣ:

272,614 дес.	252,801 дес.	135,422 дес.	979,849 дес.	473,776 дес.

на крестьянской:

286,068 дес.	386,185 дес.	324,401 дес.	77,108 дес.	417,023 дес.

Изъ этихъ чиселъ видно, что площадь удобныхъ земель,
на мызной землѣ составляетъ: 18,35% всей поверхности
„ крестьянской „ „ 27,66% „ „
и что въ общей сложности 46,01% всей поверхности составляютъ удобныя земли а 53,99% находятся подъ лѣсомъ или неудобными землями.

2) *Эстляндская Губернія.*

Поверхность всей губерніи 1,715,805 десятинъ, а именно:

Удобной земли (усадьбы, пашни, луга, выгоны):

На мызной землѣ: 475,502 дес. или 27,7% всей поверхности
„ крестьянской „ 625,542 „ „ 36,4% „ „
64,1%

Лѣса и неудобныя земли:

На мызной землѣ: 564,488 дес. или 32,9% всей поверхности
„ крестьянской „ 50,273 „ „ 3,0% „ „
35,9%

Слѣдовательно въ общей сложности 64,1% находится подъ угодьями, а 35,9% состоятъ изъ лѣсу и неудобныхъ земель.

Для всѣхъ 3-хъ губерній отношеніе мызной земли, къ крестьянской (отдѣленной для исключительнаго пользованія крестьянъ), составляло въ процентахъ:

	% отношеніе удобныхъ крестьянскихъ земель къ общей поверхности угодій (поля и луга).	% отношеніе крестьянскихъ пашень къ общей повехрности пашень.	% отношеніе крестьянскихъ луговъ къ общей повехрности луговъ.
Въ Эстляндіи .	62,62%	55,67%	67,29%
„ Лифляндіи .	69,24%	64,89%	73,38%
„ Курляндіи .	55,18%	54,67%	55,92%

Б. Землевладѣніе.

1) *Лифляндская Губернія.*

Проданные крестьянамъ участки составляли
въ 1867 году 10,64% всей цѣнности крестьянской земли
„ 1871 „ 25,70% „ „ „ „
„ 1875 „ 47,00% „ „ „ „
„ 1880 „ 59,53% „ „ „ „

такъ что въ 1880-мъ году уже 14,401 крестьянскихъ участковъ содержащихъ около 488,563 десятинъ *удобныхъ земель* перешли въ собственность крестьянъ. Кромѣ того на мызной землѣ продано:

1325 участковъ содержащихъ 25,546 десятинъ угодій.

Среднимъ числомъ величина однаго участка (или крестьянскаго двора, Bauergesinde) равнялась:

на крестьянской землѣ 33,9 дес.
„ мызной „ 19,3 „

Изъ всего числа проданныхъ участковъ[1]), около

7% имѣли менѣе 16 дес. угодій
90% „ отъ 16 до 67 „ „
3% „ болѣе 67 „ „

Среднія цѣны платимыя за 1 десятину равнялись:

въ 1873-мъ году 68 руб. 16 коп.
„ 1874 „ 71 „ 22 „
„ 1875 „ 62 „ 84 „
„ 1876 „ 63 „ 60 „
„ 1877 „ 66 „ 60 „
„ 1878 „ не имѣю данныхъ.
„ 1879 „ 83 руб. 13 коп.
„ 1880 „ 83 „ 34 „

Что *цѣны* продажи вообще не превышаютъ *цѣнность* участковъ, а натротивъ того ниже ея, того видно изъ слѣдующихъ данныхъ:

Средняя цѣна 1 десятины удобной земли тѣхъ участковъ, которые впослѣдствіи были *перепроданы* въ другія руки равнялась:

---

[1]) За исключеніемъ мельницъ, кузницъ, школъ и т. п. неземледѣльческихъ участковъ.

	При 1ой продажѣ	При продажѣ во 2ыя руки	При продажѣ въ 3ьи руки	При продажѣ въ 4ыя руки
Средняя цѣна одной десятины	97 р. 60 к.	104 р. 20 к.	114 р. 50 к.	150 р. 30 к.
Число случаевъ до 1880-го года	—	751	65	3

Въ частности при вторичной продажѣ:

упали въ цѣнѣ 87 участковъ
проданы за первоначальную цѣну 212 „
„ дороже первоначальной цѣны 452 участка.

Тоже самое видно изъ арендной платы:

Средняя годовая арендная плата за 1 десятину угодій равнялась:

1869		1870		1871		1872		1873		1874		1875		1876	
У помѣщиковъ	У крестьянъ собственниковъ	У помѣщиковъ	У крестьянъ собственниковъ	У помѣщиковъ	У крестьянъ собственниковъ	У помѣщиковъ	У крестьянъ собственниковъ	У помѣщиковъ	У крестьянъ собственниковъ	У помѣщиковъ	У крестьянъ собственниковъ	У помѣщиковъ	У крестьянъ собственниковъ	У помѣщиковъ	У крестьянъ собственниковъ
6р.62к.	10р.42	6 р. 34	9 р. 20	6 р. 38	9 р. 20	6 р. 46	9 р. 44	6р.40	9 р. 46	6 р. 64	9 р. 83	6 р.76	9 р. 66	6р.92	9 р. 71

т. е. плата которую получаютъ крестьяне собственники при отдачѣ своихъ участковъ въ аренду, почти въ $1\frac{1}{2}$ раза болѣе платы требуемой помѣщиками.

Въ какой степени *сравнительно большая величина* крестьянскихъ участковъ соотвѣтствуетъ существующимъ условіямъ и потребностямъ, видно м. проч. изъ того факта, что изъ числа всѣхъ участковъ проданныхъ на *лызной* землѣ *только 26 участковъ содержащихъ менье 7 десятинъ угодій* (т. е. около 2-хъ душевыхъ надѣловъ) нашли покупателей, несмотря на то что капиталъ необходимый для покупки такаго малаго участка, незначителенъ въ сравненіи съ суммою необходимою

для покупки настоящаго крестьянскаго двора, находящихъ всегда покупателей.

Изъ числа всѣхъ 375 участковъ *крестьянской* земли, содержащихъ *менѣе 7 дес. угодій*, къ 1875-му году было продано *всего 57 участковъ*, т. е. около 15% всего числа такихъ мелкихъ дворовъ, тогда какъ въ то же время изъ числа 29,155 дворовъ *превышающихъ* этотъ размѣръ, было продано 13,813 участковъ, т. е. 47% всѣхъ дворовъ этой величины.

Это подтверждаетъ сказанное выше, что при нынѣшнемъ состояніи земледѣлія, путей сообщенія, цѣнъ на трудъ и. т. д., крестьянинъ не имѣющій достаточныя средства чтобы купить участокъ обыкновенныхъ размѣровъ, т. е. отъ 15 до 60 дес. предпочитаетъ оставаться земледѣльческимъ работникомъ, вмѣсто того чтобы сдѣлаться владѣльцемъ малаго участка.

Это впрочемъ неудивительно, если принять во вниманіе цѣны платимыя годовымъ работникамъ, и особенно возвышеніе цѣны за послѣднія 10 лѣтъ. Средняя годовая плата земледѣльческому работнику равнялась:

	въ 1869 г.	въ 1879 г.
Женатому годовому работнику на мызахъ	121 р.	161 р.
„ „ „ у крестьянъ-хозяевъ	112 р.	154 р.
холостому „ „ на мызахъ	100 р.	138 р.
„ „ „ у крестьянъ	97 р.	142 р.
поденная плата мужчинѣ лѣтомъ	45 коп.	73 коп.
„ „ „ зимою	38 коп.	62 коп.

Эти цѣны значительно выше соотвѣтственныхъ цѣнъ напр. въ Пруссіи и въ Бельгіи[1]), хотя жизнь у насъ дешевле и потребности населенія ограниченнѣе. Этимъ и объясняется быстрое возростаніе сбереженій въ классѣ земледѣльческихъ работниковъ.

---

[1]) Въ Бельгіи напр. средняя годовая плата *женатому* работнику равняется 81 р. 35 коп.

Въ Эстляндіи средняя годовая плата:

	1863	1867
работнику	69	82
работницѣ	47	55

2) *Эстляндская Губернія.*

Число, размѣры и цѣна проданныхъ участковъ равнялась:

Годъ	Число проданныхъ дворовъ.		Число десятинъ проданныхъ.	За общую сумму	Средняя цѣна за 1 участокъ	Средняя цѣна 1 дес.
	На мызной землѣ	На оброчной землѣ				
1878	236	2169	76,996 дес.	3,453,599 р. 26 к.	1436 р.	45 р.
1879	256	2336	неимѣю данныхъ	4,976,853 р. 41 к.	1920 р.	—
1880	263	2489	90,738 дес.	5,315,407 р. 84 к.	1931 р.	58 р. 50 к.

Среднимъ числомъ величина однаго участка равнялась 32,9 десятинъ.

Изъ эстляндскаго поземельнаго банка были выданы до 1880-го году ссуды для покупки 1646 дворовъ въ общей сложности 1,205,160 р. с. т. е. менѣе $^1/_4$ всей суммы.

B. Сельскіе общественные капиталы.

1) *Лифляндская Губернія.*

Въ сельскихъ общественныхъ кассахъ числилось среднимъ числомъ въ годъ:

	Всего:	На ревизскую душу:
1849—1851 :	205,630 руб.	— руб. 75 коп.
1852—1855 :	252,882 „	— „ 88 „
1856—1859 :	332,632 „	1 „ 13 „
1860—1863 :	517,646 „	1 „ 72 „
1864—1866 :	715,039 „	2 „ 39 „
1867 :	997,928 „	3 „ 40 „

Данныхъ, относящихся до послѣднихъ лѣтъ, не имѣю.

2) *Эстляндская Губернія.*

Капиталы находившіеся въ сельскихъ общественныхъ кассахъ:

	Всего:	На ревизск. душу
Въ 1864мъ году	113,362 руб. 42 коп.	— руб. 75 коп.
„ 1865 „	121,356 „ 30 „	— „ 80 „
„ 1878 „	360,000 „ — „	2 „ 06 „
„ 1879 „	536,522 „ 33 „	3 „ 01 „
„ 1880 „	585,339 „ — „	3 „ 23 „

Какъ тутъ, такъ и тамъ постепенное возрастаніе общественныхъ капиталовъ какъ абсолютное, такъ и относительное.

Хранящіеся въ уѣздныхъ судахъ Эстляндской губерніи сиротскіе капиталы равнялись:

	Сумма	Число вкладовъ	Средній размѣръ каждаго вклада
Въ 1876мъ году	252,661	6034	41 руб. 80 коп.
„ 1877 „	198,649	4796	41 „ — „
„ 1878 „	256,870	5956	43 „ 13 „
„ 1879 „	279,313	6075	46 „ — „
„ 1880 „	285,946	6034	47 „ 40 „

Добыть статистическія свѣдѣнія о размѣрахъ дѣйствительныхъ сбереженій, конечно не возможно. Компетентные люди расчитываютъ что въ рукахъ поселянъ Лифляндской Губерніи, находится по меньшей мѣрѣ на 27 милліоновъ облигацій различнаго рода, въ Эстляндіи около 14 милліоновъ. Въ этомъ отношеніи весьма поучительна картина, которую представляютъ губернскія земельныя кредитныя учрежденія, въ дни платежей процентовъ по облигаціямъ. Мы совѣтовали-бы лицамъ, дѣйствительно интересующимся вопросомъ объ экономическомъ положеніи крестьянъ, полюбоваться этою толпою крестьянъ, которая покрываетъ площадь прилежащихъ дворовъ и ждетъ очереди для полученія процентовъ или взноса денегъ.

Г. Сельскія школы.

1) *Лифляндская Губернія.*

Общее *число сельскихъ школъ* въ Губерніи:

Годъ	Приходскія школы [1]	Сельскія школы [2]	Итого
1866-67	112	732	844
1876-77	123	937	1060
1879-80	126	953	1079

Число учениковъ и учениць:

Годъ	Въ приходск. школахъ	Въ сельскихъ школахъ	Итого
1866-67	3183	30,712	33,895
1876-77	4414	41,640	46,054
1879-80	4958	41,534	46,492

Средства отпускаемыя на школы. Въ приведенныя ниже суммы *не* включены весьма значительные расходы по постройкѣ, исправленію и отопленію школьныхъ зданій. Также не включены 10,570 р. с. которые ежегодно отпускаются Лифляндскимъ Дворянствомъ на содержаніе учительскихъ семинарій въ Дерптѣ и Валькѣ.

---

[1]) Предметы обученія въ *приходскихъ школахъ*: Законъ Божій, мѣстный языкъ (чтеніе и письмо), русскій языкъ, нѣмецкій языкъ, ариѳметика, географія, исторія, естественная исторія, рисованіе, пѣніе, гимнастика и садоводство.

[2]) Обязательные предметы обученія въ *сельскихъ школахъ:* Законъ Божій, мѣстный языкъ (чтеніе и письмо), ариѳметика, географія, пѣніе, гимнастика, для дѣвочекъ рукодѣлье. Необязательные предметы въ нѣкоторыхъ школахъ: русскій и нѣмецкій языки.

Годъ	На приходскія школы	Сельскія школы	Итого
1867-68	40,069 р.	84,469 р.	124,538 р.
1874-75	42,524 р.	139,322 р.	181,846 р.

Изъ этихъ чиселъ видно, что съ 1867-68 до 1874-75 года *ежегодный* расходъ на сельскія школы *увеличился* на 57,292 рубля, что представляетъ проценты съ капитала *въ 1 милліонъ*; слѣдовательно впродолженіи этихъ семи лѣтъ милліонный капиталъ получилъ назначеніе увеличить средства народной школы. Кромѣ того на постройку новыхъ школьныхъ зданій[1]) за это время израсходовано около 206,500 р. с.

Среднимъ числомъ годовая стоимость одной школы возросла:

	въ 1867-68 г.	1874-75 г.
1 приходской школы	съ 306 р. с.	до 380 р. с.
1 сельской „	„ 101 „ „	„ 155 „ „

На одну школу приходится дѣтей школьнаго возраста (отъ 8 лѣтъ до конфирмаціи):

Годъ	на 1 приходскую школу	на 1 сельскую школу
1871-72	1153 дѣтей	140 дѣтей
1876-77	1072 „	140 „

Объ успѣхахъ школьнаго дѣла можно судить по слѣдующимъ даннымъ, которыя показываютъ процентное отношеніе числа учениковъ и ученицъ окончившихъ курсъ школы до конфирмаціи[2]), по отношенію ко всѣмъ дѣтямъ конфирмованнымъ въ соотвѣтственномъ году.

---

[1]) Средняя стоимость зданія однаго приходскаго училища около 2000 р. с,, одной сельской школы около 900 р. с.

[2]) Всѣ дѣти лютеранскаго исповѣданія должны быть конфирмованы. Въ сельскомъ населеніи обыкновенный возрастъ для конфирмаціи отъ 13 до 15 лѣтъ.

Годъ	Мальчиковъ	Дѣвочекъ
1873-74	60,5%	53,7%
1876-77	78,7%	79,7%
1879-80	83,3%	78,3%

Но возросло не только число учениковъ, но и продолжительность посѣщенія школы.

Изъ всего числа учениковъ, посѣщали школу:

Годъ	3ью зиму		4ую зиму.	
	Мальчиковъ	Дѣвочекъ	Мальчиковъ	Дѣвочекъ
1871-72	16,1%	12,5%	4,3%	4,1%
1876-77	22,9%	20,7%	7,8%	6,7%
1879-80	25,3%	25,0%	7,5%	6,3%

Число школъ въ которыхъ преподавался русскій языкъ въ 1879-80 году:

	Приходскихъ училищъ			Сельскихъ школъ		
	не учили	не обязательно	обязательно	не учили	не обязательно	обязательно
Число школъ:	8	9	107	358	321	273

2) *Эстляндская Губернія.*

Годъ	Число школъ	Число школъ содержимыхъ			Число учениковъ	1 школа на душъ
		Помѣщиками	Крестьянами	Совмѣстно		
1863-64	294	222	24	45	12,720	—
1867-68	388	168	48	167	21,944	714
1871-72	445	—	—	—	24,502	—
1879-80	524	—	—	—	24,186	—

Кромѣ того двѣ учительскія семинаріи содержатся на счетъ дворянства и 13 парохіальныхъ школъ на счетъ частныхъ лицъ и обществъ.

На основаніи высочайше утвержденнаго положенія о сельскихъ школахъ Эстляндской Губерніи, изданнаго 25 Апрѣля 1875-го года, только дѣти отъ 10-ти до 13-ти лѣтняго возраста *обязаны* посѣщать школы. Въ отчетахъ послѣднихъ годовъ о числѣ дѣтей посѣщавшихъ школы, дѣти старше 13-ти лѣтъ не включаются, хотя число ихъ весьма значительно. Этимъ объясняется кажущееся уменьшеніе числа учениковъ въ 1879-80 году.

Д. Агитація посредствомъ мѣстной печати.

Чтобы дать читателю понятіе о тонѣ и характерѣ литературы крайней фракціи младо-эстовъ, приведу извлеченіе изъ «народнаго календаря», который въ сжатомъ видѣ передаетъ направленіе газетъ въ родѣ «Сакала» и другихъ. Этотъ календарь поучителенъ еще и тѣмъ, что даетъ читателю не слѣдившему за мѣстною печатью, масштабъ для оцѣнки того, что считается дозволеннымъ въ Остзейскомъ краѣ, по отношенію къ возбужденію народныхъ страстей. Авторы подобныхъ статей и книжекъ знаютъ, что стóитъ имъ только выразить желаніе чтобы народныя школы (созданныя помѣщиками и пасторами), были подчинены Министерству народнаго просвѣщенія, чтобы обезоружить цензора, и что если они выражятъ упованіе на помощь правительства для облегченія ихъ жалкой участи, то подъ этимъ флагомъ они могутъ провести любой грузъ динамита и пороха.

Краткій перечень содержанія «народнаго календаря» на 1882-ой годъ, изданіе сельскаго учителя М. Теннисона изъ Альтъ-Феннерна, печатано въ типографіи Ф. Фельта въ Феллинѣ, дозволено цензурою 1-го Мая 1881-го года.

Начинается литературный отдѣлъ съ разсказа «О Богачѣ и Бѣдномъ.»

Яркими красками обрисовывается праздная, роскошная жизнь надменнаго богача, который спитъ въ пуховикахъ, разъѣзжаетъ четверкою и угнетаетъ бѣдняка, у котораго отнимаетъ послѣднее, трудомъ добытое достояніе. Бѣднякъ, одаренный всѣми сердечными добродѣтелями, живетъ въ убогой хижинѣ, питается сельдями, сидитъ на унаслѣдованной отъ дѣда деревянной скамьѣ. Является пророкъ и говоритъ богачу: «Внемли слову мудрости и силы: все имущество твое *увезутъ въ Вавилонъ. Свпжій вѣтеръ съ Востока* разрушитъ дома твои и великія творенія твои и обратитъ ихъ въ груду, а имя твое будетъ смрадомъ для народа, ибо ты опозорился добромъ бѣднаго.»

Слѣдуетъ рядъ «изрѣченій», изъ коихъ первое какъ бы сводитъ итогъ предшествующаго разсказа:

«Какая дружба возможна между волкомъ и псомъ, между богатымъ и бѣднымъ? Яко серна пожирается львомъ, такъ и неимущіе пожираются имущими.» (Притчи Солом. 13, 23—24)[1]).

Названіе слѣдующей статьи «*иноземная тварь*».

Начинается разсказъ съ описанія весенняго блаженства; ярко свѣтитъ солнышко, луга и поля въ цвѣту и зелени; всѣ живутъ въ мирѣ, спокойствіи, довольствѣ, амбары переполнены хлѣбомъ, въ ларяхъ груды золота и всякаго добра; простота и чистота нравовъ, правда и справедливость царствуютъ всюду.

Вдругъ подымаются облака пыли, злой вѣтеръ съ Запада приноситъ рабство въ *нашу землю*.

---

[1]) *Примѣч. переводчика:* Этотъ цитатъ изъ священнаго Писанія совершенно вымышленный. Въ притчахъ не встрѣчается *ни одного* изрѣченія, которое имѣло бы малѣйшее сходство съ приведеннымъ въ календарѣ.

Впослѣдствіи «добрый ангелъ» разсѣваетъ тучи и «нашъ народъ» снова пользуется свободою. Но онъ уже не тотъ; долгое рабство омрачило блестящія добродѣтели, всякія сорныя травы посѣянныя иноземцами, взошли на родной землѣ. Иноземная тварь до сихъ поръ не вывелась; вотъ ея характеристика.

1) «*Галки*, птицы съ черными перьями, которыя гнусно крехтятъ и голдятъ; другъ божьяго свѣта не выноситъ ихъ голоса.» 2) «*Пресмыкающіеся* — животныя которыя живутъ и на сушѣ и въ водѣ, какъ лягушки, жабы и другіе гады. Они только помышляютъ о собственной пользѣ. Плохо народу въ которомъ они заведутся. Это такая дрянь, что о нихъ не стоитъ и слова терять и я лишь желаю чтобы это порожденіе поскорѣе вывелось.» 3) «*Полунѣмцы*, почти равны пресмыкающимся. Ихъ легко узнать потому, что они стараются при всякомъ случаѣ говорить по нѣмецки и какъ пугало одѣваются въ нѣмецкое платье.» 4) «*Балтійцы*. Собрались разъ галки, пресмыкающіеся, полунѣмцы и вся подобная тварь, жалѣли они о томъ, что народъ больно поумнѣлъ, что узналъ онъ плевелы ими посѣянныя и хочетъ задушить ихъ.... На этомъ собраніи изобрѣли они имя *балтійцы* и потому вся эта тварь носитъ это названіе.»

Послѣ ряда подобныхъ назидательныхъ повѣстей и разсказовъ, слѣдуетъ статья о «младо-эстахъ». Начинается она съ излюбленнаго пріема исторической лжи, которую не можетъ провѣрить необразованный читатель календаря, которая льститъ его самолюбію и возбуждаетъ идею, что если бы можно было «Восточнымъ вѣтромъ» или иными средствами разрушить дома помѣщиковъ, то снова воскресъ бы золотой вѣкъ.

«Хроники, сказанія, пѣсни, поговорки и прочіе источники древности доказываютъ, что до порабощенія Эстонскій народъ былъ сильный, мудрый, мыслящій, знаменитый народъ. Но крѣпостное право съ его суровостью уничтожило и умертвило много добраго.»

Кончается эта статья хвалой младо-эстовъ, которые проповѣдуютъ любовь и упованіе на отеческое попеченіе русскаго правительства, возстаютъ противъ дурныхъ нравовъ «иноземной твари», стремятся къ подчиненію народной школы «подъ казну», и. т. д.

Очевидно авторъ календаря — (удаленный отъ должности народнаго учителя мѣстнымъ инспекторомъ) — воображаетъ, что если завѣдывать школами будетъ чиновникъ заѣзжающій изрѣдка для формальныхъ инспекцій, его благотворное политическое воспитаніе юношества, не встрѣтитъ препятствія.

Не дурны «предсказанія погоды» сельскаго учителя Теннисона. Они всѣ безъ исключенія политическаго характера. Приведу нѣсколько примѣровъ:

«Январь: студенты говорятъ по эстонски, хорошая погода; февраль: купцы стѣсняются выборомъ между боязнью нѣмцевъ и русскими табачными листами; врачи прописываютъ русскіе табачные листы[1]); Сакала[2]) приготовляетъ порохъ для «пруссаковъ». Большой холодъ, буря; Сакала всѣми восхваляется, черные принимаютъ ее за текстъ своихъ проповѣдей; петербургскіе эсты суютъ вреднаго «вола» въ мѣшокъ и топятъ его въ Невѣ»; наконецъ (1 недѣля Декабря): «*стрѣльба изъ ружей и поджариваніе кошекъ. Сакала требуетъ для крестьянъ право охоты, чтобы полезныя птицы могли существовать свободнье.* У нѣкоторыхъ отъ этого дѣлается коль въ животѣ. Идетъ снѣгъ»... —

Практическое осуществленіе этихъ «предсказаній» началось. Въ горящихъ амбарахъ и ригахъ приготовляется костеръ для жаренія «кошекъ», и одна изъ «полезныхъ птицъ» въ приходѣ пастора Гольста недавно выбрала именно начало Декабря, чтобы открыть охотничій сезонъ.

---

[1]) Очевидно рѣчь идетъ не о мохоркѣ, противъ продажи которой нѣмцы ничего не имѣютъ, а о «листахъ» наркотическаго свойства, которые не подлежатъ акцизу.

[2]) Органъ крайней фракціи младо-эстовъ.

Оставляя въ сторонѣ остальныя статьи, изрѣченія и намеки этого «народнаго календаря», приведу стихотвореніе которымъ заканчивается этотъ отдѣлъ его. Заглавіе его: «Чего было слишкомъ много въ старину».

«Слишкомъ много бывало волковъ,
За избою злыхъ духовъ!
Много денегъ у барина злаго
Много палокъ, много розогъ
Много горя для народа.
У раба много труда
А въ чергогахъ много лѣни!
У крестьянъ лучинъ премного,
А въ кладовыхъ сохраняютъ
Много всякаго добра.»

Таковъ тонъ и содержаніе календаря, дозволеннаго *предварительною* цензурою, продаваемаго за 7 копѣекъ тысячами экземпляровъ въ народѣ поголовно грамотномъ. Легко себѣ представить каковы рѣчи подобныхъ дѣятелей. Въ томъ же духѣ редижируется каждый номеръ газеты «Сакала» и подобныхъ ей изданій, хотя они конечно рѣдко рѣшаются доходить до откровенностей «народнаго календаря».

Впрочемъ возбуждающія рѣчи и статьи имѣютъ сравнительно мало вліянія на благоразумное большинство населенія, пока оно не вводится въ заблужденіе, будто правительство сочувствуетъ подобнымъ рѣчамъ. Въ этомъ отношеніи въ средѣ поселянъ Прибалтійскихъ Губерній, также какъ и въ остальной Россіи, составилось мнѣніе, конечно ложное но весьма понятное, что если правительство *дозволяетъ* подобныя воззванія къ употребленію лучинъ и пороху, то значитъ оно *сочувствуетъ* этому дѣлу. Недобросовѣстность или злой умыселъ какаго нибудь темнаго органа власти, охраняющей общественный миръ, жизнь и имущество *всѣхъ* гражданъ, даже тѣхъ которые разъѣзжаютъ четверкою, объясняется на-

родомъ какъ признакъ желанія правительства поднять тотъ «Восточный вѣтеръ», который превратитъ дома помѣщиковъ въ груды камней. Это не голословныя предположенія, ихъ подтвердитъ всякій кто сколько нибудь знакомъ съ дѣломъ. При слѣдствіяхъ производившихся надъ нѣкоторыми народными агитаторами по поводу явнаго распространенія ложныхъ слуховъ (о раздачѣ помѣщьичьей земли и т. п.) и за подстрекательство къ неповиновенію власти, бывали случаи что подсудимые выражали полную увѣренность въ томъ, что если ихъ и приговорятъ мѣстные суды, то они будутъ освобождены по приказанію изъ Петербурга. Вслѣдствіе различныхъ вліяній, въ нѣкоторыхъ элементахъ крестьянства начинается распространяться мнѣніе, небывалое прежде въ краѣ, будтобы мѣстныя власти не слѣдуетъ признавать органами правительства и что только приказаніе подписанное государемъ, имѣетъ законную силу. Очевиднымъ для всякаго зрѣлаго человѣка послѣдствіемъ такаго ученія, должна быть абсолютная анархія, вслѣдствіе невозможности непосредственныхъ сношеній однаго лица съ 80 милліонами. Тѣмъ не менѣе приходится встрѣчаться съ людьми, которые ловятся даже на такую удочку анархистовъ, и приходятъ въ умиленіе отъ мнимаго довѣрія къ главѣ государства, которое будто-бы выражается въ этомъ ученіи. Агитаторы вовсе не такіе простяки, какими ихъ многіе считаютъ. Они отлично знаютъ, что это вѣрнѣйшій и единственный путь къ перевороту, котораго они добиваются. До тѣхъ поръ пока законы не отмѣнены, власти *дѣйствующія въ предѣлахъ и на основаніи закона*, суть юридически и фактически царскіе слуги, какъ бы эти власти ни назывались.

Въ русской печати принято называть Остзейскій край «нашею Ирландіей.» Доказательство радикальнаго различія между аграрными условіями обѣихъ странъ, повело бы меня слишкомъ далеко. Причины *упадка* благосостоянія земледѣльческихъ клас-

совъ Ирландіи съ одной стороны и *возрастанія* благосостоянія Остзейскихъ крестьянъ съ другой, кроются именно въ этихъ существенныхъ различіяхъ: въ отсутствіи мѣръ предохраняющихъ фермера отъ возможности присоединить его участокъ къ землямъ помѣщика; въ невозможности пріобрести земельную собственность, въ «абсентизмѣ» ирландскихъ помѣщиковъ и т. д.

Но въ одномъ отношеніи легко достигнуть сходство съ Ирландіей: дозвольте организоваться «земельной лигѣ», возрости до силы терроризирующей угрозой поджога всякаго неподчиняющагося ея повелѣніямъ, и вы легко можете уничтожить благосостояніе всѣхъ помѣщиковъ (вмѣстѣ съ тѣмъ и всего края), можете сдѣлать ихъ жизнь и имущество настолько же ненадежными, какъ и въ Ирландіи. Уже теперь зажиточные крестьяне въ нѣкоторыхъ частяхъ Лифляндіи (въ которой агитація особенно сильна) начинаютъ отказываться отъ общественной службы, — небывалое тамъ явленіе —, такъ какъ имъ угрожаютъ поджогомъ въ случаѣ добросовѣстнаго исполненія своихъ обязанностей. Смѣю увѣрить читателя что не трудно устроить *такаго рода* Ирландію, въ любой изъ тѣхъ губерній Россіи, гдѣ населеніе уже нѣсколько развито[1]). Дозвольте учредить общества, въ которыхъ безъ малѣйшаго контроля распространяются ученія о черномъ передѣлѣ по «царскому приказу»; дозвольте издавать газеты ежедневно наустивающіе неимущихъ на имущихъ, и календари въ родѣ упомянутаго съ надписью «дозволено цензурою», и русскій крестьянинъ не менѣе эстонскаго возгоритъ желаніемъ самому разъѣзжать четверкою, спать на пуховикѣ и воспользоваться добромъ хранимымъ въ чужихъ

---

[1]) Конечно населеніе совершенно безграмотное, удрученное непосильнымъ трудомъ и непривыкшее «политизировать», какъ это дѣлаютъ остзейскіе подписчики крестьянскихъ газетъ, поднять на ноги труднѣе.

кладовыхъ. Онъ только тогда замѣтитъ что на всѣхъ четверокъ не хватитъ и что добра при дѣлежѣ пришлось на его долю не много, когда будетъ поздно и когда условія дозволившія накопленіе добра, какъ въ помѣщичьихъ такъ и въ крестьянскихъ кладовыхъ, будутъ уничтожены.

Примѣчаніе. Настоящая статья уже печаталась, когда послѣдовало распоряженіе о привлеченіи цензора дозволившаго печатаніе этого календаря, къ отвѣтственности. Этимъ конечно не уменьшается интересъ какъ самаго календаря, такъ и того факта, что авторъ рѣшился представить его къ печати а цензоръ рѣшился пропустить.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Въ настоящей статьѣ я основывалъ свои выводы и заключенія на слѣдующихъ фактахъ и положеніяхъ, которые легко доказать какъ въ общемъ, такъ и въ частности, а опровергнуть невозможно, а именно:

При существующихъ аграрныхъ условіяхъ, какъ общая производительность края, такъ и благосостояніе *всѣхъ* классовъ занимающихся земледѣліемъ, сдѣлало очевидные и значительные успѣхи и ежегодно быстро возростаетъ.

Экономическое благосостояніе края существенно объусловливается тѣмъ фактомъ, что классъ образованныхъ помѣщиковъ живетъ изъ рода въ родъ въ своихъ помѣстьяхъ, употребляетъ свои капиталы, познанія и интеллигенцію, на улучшеніе хлѣбопашества. Вслѣдствіе тѣсной связи между экономическимъ интересомъ помѣщиковъ и преуспѣяніемъ крестьянъ, они воспитали изъ нихъ превосходныхъ сельскихъ хозяевъ и содѣйствовали улучшенію крестянскихъ агрономическихъ пріемовъ и средствъ.

Распространеніе народнаго образованія стоитъ на высокой степени и дѣлаетъ быстрые успѣхи. Число и состояніе школъ, крестьянскія литературныя, агрономическія и музыкальныя общества и многочисленные газеты на мѣстныхъ нарѣчіяхъ, служатъ тому доказательствомъ. Этими результатами населеніе обязано нѣмецкой интеллигенціи края, преимущественно усиліямъ помѣщиковъ и пасторовъ.

Вѣковая привычка къ самоуправленію, благодаря исторической почвѣ на которой выросла и развилась, пустила глубокіе корни, не только въ томъ классѣ который прежде исключительно пользовался этимъ правомъ, но и во всѣхъ классахъ населенія. Полное отсутствіе лихоимства есть одно изъ слѣдствій особенностей мѣстной организаціи.

Чувства гражданственности, сознаніе обязанностей связанныхъ съ правами и правъ связанныхъ съ обязанностями, распространяются, *подобно всѣмъ элементамъ культуры*, — отъ болѣе богатыхъ и образованныхъ классовъ, во всѣ общественные слои. Они не могутъ зародиться въ массѣ, если не окрѣпли въ интеллигентномъ слоѣ. Окрѣпнуть же они могутъ лишь при условіи опредѣленныхъ правъ и обязанностей.

Мѣстное самоуправленіе исполняло возложенныя на него обязанности хорошо, и согласно интересамъ всего края, а не одпаго лишь класса.

Исторія мѣстныхъ учрежденіи доказываетъ, что они имѣютъ всѣ задатки роста и развитія и что они заслуживаютъ названіе „средневѣковыхъ“ лишь потому, что начало ихъ восходитъ до XII-го и XIII-го столѣтіи.

Всякія реформы учрежденій, разрывающія связь съ прошлымъ, ставятъ дальнѣйшее развитіе ихъ на шаткую почву кабинетныхъ соображеній и предположеній, не основанныхъ на опытѣ и правѣ.

Политическое значеніе низшихъ классовъ, возростаетъ по мѣрѣ возростанія ихъ богатства и образованія.

Мѣры имѣющія цѣлью или неизбѣжнымъ послѣдствіемъ, лишить интеллигентный классъ образованныхъ помѣщиковъ вліянія, должны повлечь за собою удаленіе ихъ изъ сельской жизни, которая сопряжена съ большими умственными лишеніями для образованнаго человѣка; эти лишенія вознаграждаются лишь чувствомъ высокаго общественнаго положенія, независимости и вліянія, соотвѣтствующаго культурному превосходству.

Идея единообразія мѣстныхъ учрежденіи въ Россіиской

имперіи не выдерживаетъ теоретической критики. Она не выдержитъ опыта при нарожденіи дѣйствительной мѣстной жизни и самодѣятельности.

Вѣрность царю и отечеству всѣхъ національностей обитающихъ Остзейскій край, стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія.

Нерасположеніе къ Россіи есть абсурдъ.

Нерасположеніе къ *насильственнымъ* мѣрамъ обрусенія весьма сильно. Степень негодованія на вѣчныя клеветы и обиды со стороны нѣкоторой части русской печати, трудно преувеличить.

Всякій русскій, готовый признать въ краѣ бѣлое бѣлымъ, сразу дѣлается любимцемъ, какъ „un accident heureux parmi les siens.“

Руссификацію края (въ смыслѣ повсемѣстнаго знакомства съ русскимъ языкомъ), *невозможно* достигнуть быстрыми и насильственными мѣрами. Она подвигается впередъ медленными но вѣрными шагами, вслѣдствіе тѣсныхъ экономическихъ и гражданскихъ сношеній окраины съ остальными частями государства.

БИБЛІОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.

Въ типографіи Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ.